

СЕРГЕЙ ПАРАХИН

КРАСНАЯ РОЗА

Сергей Парахин

Красная роза.

Документальная повесть

«Издательские решения»

Парахин С. А.

Красная роза. Документальная повесть / С. А. Парахин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856180-1

В далеком 1919 году по всей России яростно кипели классовые битвы. Гремели пламенные речи, и развевались кумачовые знамена. Грохотала артиллерийская канонада, и грозно блестели штыки. В те незабываемые дни на берегах тихой речки Чернавы крестьяне-бедняки создали трудовую коммуну и назвали её «Красная роза» — нежно и трогательно.

ISBN 978-5-44-856180-1

© Парахин С. А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Пролог	8
Сергей Парахин	9
Дела давно минувших дней	13
Данила Сергеевич Парахин. Екатерина Андреевна Парахина (в девичестве Шеховцова)	17
Ефим Данилович Парахин	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Красная роза

Документальная повесть

Сергей Александрович Парахин

© Сергей Александрович Парахин, 2017

ISBN 978-5-4485-6180-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В том далеком, но незабываемом 1919 году по всей России яростно бурлили классовые битвы. Гремели пламенные речи, и развевались кумачовые знамена. Грохотала артиллерийская канонада, и грозно блестели штыки. Тогда юность была отважна, решительна и наивна. В горячих сердцах билась неистребимая вера в счастливое и светлое будущее. В то героическое и романтическое время революционные когорты гордо носили такие названия, как «Закаспийский интернациональный революционный пролетарский полк имени товарища Августа Бебеля» или «Дивизия имени Взятия Бастилии Парижскими Коммунарками». В те незабываемые дни на берегах тихой русской речки Чернавы крестьяне-бедняки создали трудовую коммуну и назвали ее «Красная роза» – нежно и трогательно.

Минуло почти столетие. Коммунары честно работали, героически воевали, переносили тяготы и лишения. Коммунары искренне радовались жизни, пели хорошие песни под гармошку, водили озорные хороводы за околицей, женились, рожали красивых детей. В 1930 году, в связи с коллективизацией, коммуна прекратила свое существование и вошла в качестве отдельной бригады в колхоз имени Ленина. Ныне уже нет на земле тех первых коммунаров. Нет уже и их детей. Мало кто задается вопросом, почему полевой стан на правом берегу речки Чернавы по сей день зовется – «Красная роза».

Но ходят сегодня по нашей земле правнуки коммунаров. Водят они за ручку своих сынишек и дочурок в детские сады.

Мы же сами сегодня люди очень занятые. Времени никогда ни на что не хватает. Неприятности на работе. Неоплаченные вовремя долги по кредитам. В доме бесконечный ремонт все никак толком не клеится. Дети растут оболтусами бестолковыми. Все круговертью.

Со старыми друзьями встречаемся неохотно, по редкому случаю. По телефону разговариваем на бегу. Ночами не вылезает из сетей интернета.

Давайте-ка вспомним. Когда же кто-то из нас последний раз написал письмо. Нет, не электронное, а на бумаге, пером и чернилами, каллиграфическим почерком, от души. Когда же кто-то из нас последний раз ужинал за общим столом с престарелыми родителями или не спеша чаевничал возле медного самовара с совсем уж старенькой бабушкой, смаковал домашнее варенье, беседовал задушевно и не поглядывал украдкой на часы.

О своих мелочных боссах, о карикатурных политиках, о криминальных олигархах, об извращенных поп-звездах мы знаем гораздо больше, чем о своих близких, больше, чем о своих родителях. О своих же дедах и прадедах мы почти ничего не знаем. Да если честно, то не очень-то и интересуемся.

Хорошо ли это? Кем будут наши внуки и правнуки? Иванами, не помнящими родства? Нас уже сейчас кое-кто называет «особями мужского и женского пола».

Мои записки не преследуют каких-либо решительных целей. Я просто собрал все сохранившиеся сведения о своей близкой и далекой родне. Что смог. Для себя. Для них – живущих ныне и ушедших навеки. Для своих потомков. Для всех, кому это будет интересно.

В этих записках нет вымысла. Они созданы на основе архивных документов, на основе личных воспоминаний участников описываемых событий, воспоминаний их детей, сестер, братьев. Это – описание жизни одной русской семьи на протяжении четырех сотен лет. А большей частью – удивительного двадцатого века, трагичного и героического, славного воинскими победами и фантастическими трудовыми достижениями, полного счастья, человеческой любви и романтики. Это же в какой-то мере и часть жизни русского народа. Часть истории России.

Ключевыми персонажами данного повествования являются коммунары «Красной розы» и другие люди, связавшие с ними свою жизнь, в том числе и мои родители: отец – Парахин Александр Данилович, 1928 года рождения, из крестьян Орловской губернии; мать – Пара-

хина (Суркова в девичестве) Екатерина Васильевна, 1928 года рождения, из обывателей города Севастополя.

Главной эпохой данного повествования обозначен период советской власти в нашей стране.

Кроме рассказа о своих родителях, я попытался собрать все сведения о жизненном пути и о военной судьбе других известных мне родичей, живших и трудившихся на нашей земле, сражавшихся на полях Гражданской войны и Великой Отечественной войны. У них разные фамилии. В те грозные годы многие из них и знать не знали друг друга. Но со временем, через браки, они породнились. Сегодня они все являются моими родственниками, а главное – прямыми предками моих детей и внуков.

Пролог

В сентябре 1855 года русскими войсками был оставлен Севастополь.

Город горел. По понтонному мосту через бухту в сторону Мекензиевых гор уходили последние защитники крепости.

На берегу, у самой воды, неподвижно застыл генерал Степан Александрович Хрулев. В неизменной белой папахе, но без бурки, в зеленом пехотном мундире. Правой здоровой рукой он крепко сжимал казацкую нагайку, левая же, простреленная наметни французской пулей, была высоко подвязана на груди черным платком.

Дымились разрушенные укрепления Малахова кургана. Во рвах, на валах, на батареях изорванные в клочья штыками и картечью, вперемешку с перевернутыми артиллерийскими лафетами и разбитыми зарядными ящиками, полузасыпанные землей из обрушенных фашин, вцепившись друг в друга яростью последней смертной судороги, коченели тела русских и французских солдат. Тысячи.

Со стороны четвертого бастиона слышна была тяжелая канонада. Там еще сражались.

На внешнем рейде в виду города густо дымили трубами корабли британской эскадры. На их пути в грозном молчании вросли в камень русские береговые форты.

Уходили солдаты и матросы, седоусые ветераны и мальчишки-барабанщики, тучные полковники и стройные корнеты. Уходили полковые священники и сестры милосердия. Уходили адмиралтейские мастеровые с детьми, женами и стариками, с узлами и корзинами. Скрипели телеги с ранеными. Громыхали по доскам колеса артиллерии. Над опущенными головами уходящих бойцов плыли зачехленные знамена, их золоченые орлы мерцали отблесками – то ли пожаров, то ли заходящего солнца.

Так заканчивалась героическая Севастопольская эпопея.

Вслед за войском уходила через переправу в отступ и семья уже немолодого отставного флотского бомбардира Суркова. Несли нехитрый скарб. Бережно баюкали на руках кряхтящего и хрюкающего новорожденного сынишку. Случайно повстречавшийся наметни полковой поп прямо на обочине заполоненной войсками и беженцами дороги крестил младенца именем Виктор.

Невеликий домик той семьи оказался аккурат посреди позиции артиллерийской батареи славного морского лейтенанта Перекомского Акива Михайловича и был разбит английскими ядрами при последнем штурме.

В эти грозные для России дни за сотни верст от Черного моря, на Орловской земле, в ничем не примечательном селе Успенье, православный батюшка крестил в купели новорожденного младенца крепостных крестьян Парахиных и нарек его Сергеем.

Спустя ровно сто лет потомки Сурковых и Парахиных встретятся на берегах Севастопольской бухты. Екатерина Суркова станет женой Александра Парахина. Они проживут рука об руку долгую и красивую жизнь. У них родятся дети, внуки и правнуки.

Сергей Парахин

Сергей Парахин. Крестьянин. Православный. Проживал со своей семьей в деревне Парахино, что возле села Успенье Орловской губернии (прежде были выселки почти сразу за северной околицей села, ныне же – «Парахин бок» в том же селе). Свое название, по мнению жителей, деревня получила от названия большого села Парахино, что расположено в двенадцати верстах к западу, возле города Ливны, по фамилии переселенцев из тех мест.

Родился Сергей в пятидесятых годах девятнадцатого века в крепостной семье.

Как он жил, какие радости и невзгоды выпали на его долю, какие испытания он перенес – мы не знаем.

Жег ли он помещичьи усадьбы «в кровавом и бессмысленном русском бунте» или мирно пахал землю?

Штурмовал ли он, со штыком наперевес, неприступные редуты Плевны или, задыхаясь от жажды, делил с товарищами последний глоток протухшей бурдючной воды в Туркестанских походах?

Кто знает, быть может, его образ запечатлен на одном из полотен Верещагина?

А может быть, он явился прототипом чеховского «Злоумышленника»?

Нам об этом ничего не известно.

Известно лишь, что в крестьянской семье повзрослевшего и ставшего мужиком Сергея было трое сыновей – Петр, Павел и Данила, и две дочери – одну звали Варварой, а вот имя второй дочери в памяти не сохранилось. Имя жены Сергея тоже не помнится.

Семья Сергея Парахина имела четырнадцать десятин пахотной земли и две лошади. По тем временам это было весьма неплохо – крепкие середняки, а то и вовсе – кулаки.

Сергей Парахин честно прожил трудную крестьянскую жизнь и закончил свои дни в родном доме, в своей родной деревне, в самом начале двадцатого века, в 1904 году, накануне великой русской смуты.

После кончины отца дети его порешили разделить наследство согласием. Старший сын Петр со своей семьей остался владельцем на добром отцовском хозяйстве. Средний сын Павел с домочадцами (с женой и малолетним сыном Иваном) подался на заработки на Донбасс, в шахтерский городок при станции Дебальцево. Младший сын Данила пошел в батраки к помещику Карцеву, чья усадьба располагалась неподалеку от родного села. Дочь Варвара вышла замуж за односельчанина Никиту Шеховцова. Судьба же другой дочери нам неизвестна.

Как жил отец Сергея, родившийся в эпоху Аракчеева, Пушкина и декабристов, под гром царских орудий на Сенатской площади, как его звали по имени, мы, наверное, не узнаем никогда.

Как жил дед Сергея, родившийся в эпоху Екатерины Великой, в дни основания Севастополя, под гром славных суворовских побед у Рымника, Измаила и Варшавы, как его звали по имени, мы тоже, наверное, никогда не узнаем.

Как жил прадед Сергея, родившийся в эпоху Елизаветы – дочери Петра Великого, в дни славных побед русского оружия при Кунерсдорфе и под Берлином, в дни открытия Московского университета, в дни славы Ломоносова, Эйлера и Растрелли, как его звали по имени, мы, наверное, не узнаем никогда.

А жили они, как весь русский народ, как вся Россия – в трудах непосильных, в разгуле бесшабашном, в молитвах истовых, в грехах тяжких, в подвигах воинских славных, в пожарах гибельных, в ярмарках и гуляньях, в свадьбах и крестинах, в пьянках и мордобоях, с бала-лайками да самоварами, с грибами да со сметаной, с пряниками печатными да с детишками малыыми.

О пращурах же, основавших фамилию Парахиных в тех местах черноземных, широких да привольных, медовых да яблоневых, сохранились ныне записи в Государственном архиве Орловской области.

В писцовой книге города Ливны, в записях за 1615/16 год от Рождества Христова сказано:

«Село, что была деревня Парахина верх Белово колодезя под Красным лесом, а в нем церковь святые великомученицы Поросковеи. Василий Григорьев сын Парахин, Родион Андреев сын Парахин, Мирон Исаев сын Парахин, Сергей да Петрушка Логиновы дети Парахина. За Василием за Григорьевым сыном Парахина отца его поместье жеребий в селе, что была деревня Парахина сверх Белого Колодезя под Красным лесом. А в жеребью села: д. помещиков Васильев да крестьян: в Якушино Васильев Быченок; в. Демка Дмитриев; в. Титко Костин; в. Лалко Петров; в. Богдашко Ефимов да бобылей: в. Гришка Лукьянов; в. Ониконко Киреев. И всего д. помещиков да 5 дворов крестьянских, да 2 двора бобыльских. А людей в них тоже пашни добрые паханные земли 5 чети да дикого поля 145 чети. Обоего пашни и дикого поля 150 чети в дубровам 300 копен. Лес Красной в опчесо всеми помещики. А сошного пистма в живущем и впусе полчети и полполчетверти сохи. // За Родионом за Андреевым сыном Парахина в том же селе что была деревня Парахина под Красным лесом сверх Белого Колодезя. А на его жеребеи: д. помещиков да крестьян: в. Лукьянко Иванов; в. Савка Позняков; в. Кирейка Иванов; в. Озарка Позняков. И всего д. помещиков да 4 двора крестьянских, а людей в них тоже. Пашни добрые паханные земли 4 чети да дикого поля 146 чети. Обоего пашни и дикого поля 150 чети в поле, а в дву по тому ж Сена меж поль по логам и дубровам 300 копен. Лес Красной в опче со всеми помещики. А сошного письма в живущем и впусе полчети и полполчети сохи. // За Мироном за Исаевым сыном Парахина отца его поместье в том же селе что была деревня Парахина сверх Белого Колодезя под Красным лесом. А на его жеребеи: д. помещиков да крестьян; в. Горасимко Оксенов; в. Степанко Костин; в. Докука Дмитриев. И всего д. помещиков да 3 двора крестьянских, а людей в них тоже. Пашни добрые паханные земли 3 чети да дикого поля 97 чети. Обоего пашни и дикого поля 100 чети в поле, а в дву по тому ж Сена меж поль по логам и дубровам 200 копен. Лес Красной в опче со всеми помещики. А сошного письма живущем и впусе полчети сохи. А платить ему с живущего с 3 чети. // За Сергеем да Петрушкою Логиновыми детьми Парахина отца его поместье в том же селе, что была деревня Парахина сверх Белого Колодезя под Красным лесом. А на их жеребеи: д. помещиков да крестьян: в. Олешка Михайлов; в. Тренька Офонасьев; в. Кирейко Есютин; в. Сенька Михайлов; в. Гришка Яковлев; в. Андрюшка Семенов. И всего д. помещиков да 6 дворов крестьянских, а людей в них тоже. Пашни добрые паханные земли 6 чети да дикого поля 144 чети. Обоего пашни и дикого поля 150 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена меж поль по логам и по верхам, и по дикому полю, и по дубровам 300 копен. Лес Красной в опче с разными помещики. А сошного письма в живущем и впусе полчети и полполчети сохи».

(www.orel-story.ru «Ищем свои корни»).

Переписные же книги 1678 года, в царствование Федора Алексеевича, содержат следующее:

«Стан Красной село Пятницкое, что была деревня Парахина, с церковью Св. Великомученицы Параскевы, нарицаемая Пятницы; в прежнее время при церкви жили бобыли двумя дворами, и те бобыли померли». «Из 22 помещиков этого села толко одни Парахины имеют на своих землях крестьян и бобылей. Володимер и Сафон Ларионовы дети – крестьянский двор да бобыльской, людей в них 4 человека; за Микитою Лазаревым сыном – двор крестьянский, людей в нем 6 человек; за Евтифеем Семеновым сыном – 2 двора крестьянских, людей 7 человек; за Иовом Овдокимовым сыном – двор крестьянский, людей 3 человека, за Савостьяном Григорьевым сыном преж сего было за отцом его 4 двора крестьянских, и в прошлых годах в полон поиманы».

(www.orel-story.ru «Ищем свои корни»).

1685 год, правление царевны Софьи Алексеевны:

«Село Парахино: Чуриловы, Анисимовы, Парахины <...> Церковь св. мученицы Парасковей, нарицаемая Пятницы, что в селе Парахине (по новому прозванию деревня Овсянникова Макара с товарищи, на земле Великих Государей) <...> древяна клетки, ветха, стоит без пения, а в церкви: образ Всемилоственного Спаса, образ Св. Мученицы Парасковей в окладе, оклад серебряной золоченой басебной, церковныя утвари: сосуды, бельца, лжица и копье, нандея медныя, да книг церковных – октой да минея общая, апостол, псалтырь учебная, часослов, служебник, ермолой, евангелия, кадило, 4 колокола; а по сказке старожилов, что та церковь и в церкви образы и книги и всякое церковное строение приходское; да у той же церкви двор попа Василья Фомина, да 3 двора дьячковых: двор старого дьячка Павла Тарасова, двор Дорошки Тарасова, двор Федьки Тарасова, да место дворовое пономарское Ивашки Яковлева, да места дворовыя бобыльския: Ефремка Сидорова, Ромашка Афанасьева, Офоньки Анкудинова, а те бобыли, по сказке сторожилцов и прихожан тутошних и сторонних людей и пономаря, от разоренья Крымского хана пропали безвестно; а в прежних писцовых книгах Ивана Малечкина 1629 года, а в Красной лес въезжать им попу Василью с церковными причетчики со всеми помещики обще. Писана та церковная земля по сказке попа Василья за его рукою 7193 году Декабря в 1 день».

(www.orel-story.ru «Ищем свои корни»).

В XVII веке, при создании на юге Русского государства засечной линии от «дикого поля», ради службы пограничной числили зачастую в «дети боярские украинских городов» достаточно годных к ратному делу людей. Жаловалось же им по 150 четей¹ земли в «диком поле» и по 5 рублей денег.

Людей же вольных и гулящих числили к ним под начало городовыми стрельцами и казаками. Жаловалось тем служилым по 70 четей земли в «диком поле» и по 3 рубля денег.

«Дети боярские» (понимать – слуги боярские) – в Русском государстве XV – XVII веков разряд служилых людей. «Дети боярские» служили царю, князьям, боярам, церковным пастырям. Они получали за службу поместья и не имели права отъезда. Изначально в категорию служилых людей попадали потомки младших членов княжеских дружин (отроков) или измельчавших боярских родов. Позже именем этим жаловались служилые люди ради начальства над прочими. В XVI веке дети боярские делились на дворовых (часть столичных верхов) и горо-

---

¹ Четь (четверть) – мера площади пахотных земель в старинной русской системе мер, на которую делилась соха. Определялась как 1/2 десятины (0,546 гектара). Десятина – мера площади на Руси, равная 1,0925 гектара.

довых (провинциальные дворяне). Термин «дети боярские» исчез в начале XVIII века в связи с проведением петровских реформ.

Помещики – это изначально дворяне-землевладельцы, служилые люди, «испомещавшиеся», то есть получившие в пользование землю (помесье) за выполнение государственной службы. В порубежных местах земля давалась зачастую без крестьян – «пустая». Такие помещики назывались «пустоземельными».

Дела давно минувших дней

– Крымский хан на Изюмском шляхе безобразничает!

– Как же это вы так допустили?!

– Не вели казнить.

– Пиши царский указ. Послать войско выбить крымского хана с Изюмского шляха. Точку поставь.

Из к/ф «Иван Васильевич меняет профессию», 1973 г.

Век семнадцатый. Начальные годы века сего.

Эпоха просвещенная и романтическая. Эпоха благородных мушкетеров короля Людовика и храбрых гвардейцев кардинала Ришелье. Эпоха отчаянных пиратов Карибского моря и «золотых» галеонов испанской короны. Эпоха прекрасных дам и придворной интриги. Эпоха бокала с ядом, черной маски, плаща и кинжала.

Золотой век голландской живописи.

Божественное и неповторимое пение скрипок Николо Амати.

Торжество музы служителей пера – Мигеля де Сервантеса и Лопе де Вега, Уильяма Шекспира и Томмазо Кампанелла.

Торжество и слава служителей науки – Галилео Галилея, Иоганна Кеплера, Рене Декарта.

Эпоха изобретения телескопа, барометра, логарифмической линейки.

Дерзостный капитан голландский Виллем Янсзон впервые бросил якоря возле берегов далекой Австралии и узрел сумчатых кенгуру.

Доблестный мореплаватель британский Генри Хадсон отважно ступил на берега дремучего острова Манхэттен и вбил первый межевой кол в основание будущего города Нью-Йорка.

Тринадцатый император китайской династии Мин, священный Ваньли, затворился навеки в уединении и неге дворцовой роскоши. Из печей же Цзин Дэ Чжэнь неустанно выходили искусные вазы тончайшего бело-голубого фарфора с его божественной печатью – того фарфора, что на долгие века будет много и много дороже золота.

Великий Могол, могучий Джахангир, в ночных пирах под яркими звездами сказочной Индии, отрекшись от дел мирских, воздавал бесконечную хвалу сладострастной жене своей – Нур Джахан. Слагал стихи и музыку в ее честь, возводил для нее чудесные дворцы, сады и храмы.

Первые же дни века семнадцатого были осенены горьким пеплом великого безбожника Джордано Бруно, кой был сожжен заживо по приговору святой инквизиции на площади Цветов в Вечном городе Рима 17 февраля 1600 года от Рождества Христова.

Накануне же означенного века, в 1596 году от Рождества Христова, верноподданный английской короны, муж вельми ученостью знатный, сэр Джон Харингтон явил королеве Елизавете I и всему цивилизованному миру изобретение диковинное и нужное – ватерклозет.

Лета 7123 от сотворения мира (1614 год от Рождества Христова) Смута великая на Руси Святой пошла как бы на убыль. И Лжедмитрия поганого изничтожили. И поляков из Кремля Московского с боем вышибли. И государь Михаил Федорович, всенародно призванный, воссел на престол Всея Руси. И вор Тушинский был предан смерти лютой. И атаман Иван Заруцкий казнен бесчестно. И трехлетний Ворёнок на кремлевских воротах повешен с глумлением. И Марина Мнишек гнусная в Коломенском монастыре сгинула. И князь Пожарский с воинством православным многими победами ратными славен был.

Русь возродалась. Русь очищалась от иноземцев. Русь очищалась от людей гулящих. Русь очищалась от воровских ратей.

Но буря лихолетья все еще не минула землю православную. Шведы грозили Новгороду с севера. Поляки притязали на Смоленск с запада. Крымцы черной тучей клубились на юге. Войска же доброго на Руси край как мало было.

На Покров Святой Богородицы (14 октября) в тот год снег не выпал. И далее осень шла ясная, морозная, твердая и бесснежная. Ковыль степной бескрайний застыл в инее под невысоким утренним солнцем. Ледок тонкий сверкал в мелких дорожных лужицах. Земля на проселках закаменела. Деревья в лесах давно уж облетели, лишь осинники на опушках выделялись багряно и ярко.

В ясный день на Параскеву Великомученицу (28 октября) над обрывом крутым вдоль оврага глубокого, прижимаясь к перелеску густому недалекому, шла дружина ратная числом в сотню воинов без малого. У каждого на груди крест православный. У которых на поясе кошель заветный с казной. Шли не мешкая, ибо на плечах висела неотступно погоня грозная – боярин Одоевский в силе тяжкой со стрельцами и пищалями.

Прежде ратники сторожно обошли лесными глухими тропами города обильные Тулу, Мценск да Орел. Ныне же места кругом тянулись безлюдные, порубежные, лихие. Только впереди на реке Сосна стояли строго города царевы Ливны да Елец. А уже за рекой Сосна лежало поле дикое, басурманское, а за ним мерещился Дон вольный, православный, где всем пришлым выдачи назад, на расправу и пытку царскую – нету.

Ох, и дружина же та была дивная. Все пешие. Коней давно порастеряли – иные сгнули в сечах, иные пали от бескормицы, иные пошли в котел на прокорм артельный. Виднелись в той дружине и усы пышные ляшские, и бороды холопские, и морды рязанские, и рожи татарские. Теснились рядом жупаны краковские, епанчи московские, зипуны тамбовские, тулупы вологодские, халаты бухарские. Одежа на воинах ветхая – дождями побита, ветрами обвеяна, ночевками на голой земле потерта, прорехами отмечена, у костров прокопчена да опалена. Хуже всего дело с обувкою. Сапоги сафьяновые новгородские, ботфорты дубленые фряжские – все всмятку, все «каши просят», тут же – у кого и поршни сыромятные сеном набитые, и лапти лыковые, и валенки костромские, а кто и вовсе босой.

Но оборужены людишки были изрядно. Под рванью одежной звякали кольчуги добрые, скрипели доспехи коробчатые, сверкали на солнце нагрудники кованые. Тут и там среди шапок собольих да треухов овчинных виднелись шеломы суздальские, шишаки татарские да каски шведские. У иного меч новгородский, у кого сабля турецкая, а то и секира ярославская. Многие тащили бердыши вида смертоубийственного, что от конницы в степи – первое дело. Некоторые же упорно не расставались с пищалями, последний надежный заряд оберегая тщательно.

Лица обветрены, шрамами иссечены, коростой покрыты. Бороды нечесаны, всклокочены. Очи грозные, зоркие.

А позади, в годы смутные, у тех людей чего только не было. Дела славные. Дела ратные. Дела воровские. Дела лукавые. Дела разбойные. Дела смертные.

А все то, что было еще ранее, до Смуты великой, в жизни далекой – царева служба честная, ремесла добрые, хлебопашество божеское, женки да детки, кров отчий – все забыто давно, все прахом пошло... Отнято, порушено, осквернено...

У города Твери под стягом славного свейского рыцаря Якоба Деллагарди били нещадно ляхов полковника Зборовского. В городе Москве на Лобном месте, с боярином Федором Ивановичем Мстиславским согласно, целовали крест королевичу польскому Владиславу Сигизмундовичу. У города Калуги, союзно с «нареченным патриархом московским Филаретом» (в миру – Федором сыном Романовым), держали руку Тушинского вора. У города Воронежа делили лихо с атаманом Иваном Заруцким. Меды столетние пили за здоровье Марины Мнишек и сына ее Ивана – «Ворёнка». Грамотками прельщались смутными. Письма разносили подметные.

Бывало, золото да камень драгоценные рассыпали пригоршнями. Бывало, последний горький сухарь делили по-братски. Жгли города. Души православные губили бессчетно. Блудили, кутили. В монастырях и скитах у святых отшельников истово грехи свои замаливали тяжкие.

И вроде бы все за Русь святую сражались. Да все как-то невпопад. Как ни поверни, а выходит – тати. Пощады от слуг царских нынешних ждать не приходится. На Руси святой места тихого для себя, поди уж, и не сыскать. Или пропадать насмерть. Или на Дон идти.

Так и шли эти люди – уставшие, ожесточенные, затравленные, с горечью в душе и без надежды в сердце.

И вот встали ратники в круг. Скинули наземь зипуны да тулупы, чтоб биться было сподручнее. Ощетинились бердышами. Обнажили клинки. Раздули фитили пищальные. К бою смертному приготовились. К бою последнему. Стояли молча. Все было между ними давно уже говорено.

На пути их встал воевода Ливенский со стрельцами городовыми в силе тяжелой. Да с иной стороны нагнал беглецов конный дозор боярина Одоевского в полусотню всадников.

Время шло. Дымились фитили, блестела на солнце сталь. Переминались с ноги на ногу воины. Всхрапывали кони. Бой все никак не начинался.

Тут зарокотали барабаны стрелецкие. Выехал посередь поля от рядов войска городского боярин знатный на коне вороном в шубе соболей. И не с мечом в руке, а со свитком писаным, скрепленным печатью орленой.

И возвестил тот боярин громогласно о воле царской. А воля сия гласила следующее:

«Людам вольным, гулящим, к ратному делу способным и гожим, в Дикое Поле и на Вольный Дон не ходить. Воеводам городков порубежных людей сих имать и к службе засечной крепить. Дела их прошлые и воровские не поминать и розыску в них не чинить. Знатных из них писать детьми боярскими, положить каждому из земель пустых порубежных поместье в 150 четей и 5 рублей денег, прочих числить стрельцами городовыми, положить каждому из земель пустых порубежных поместье в 70 четей и 3 рубля денег. Людам же тем крест целовать на службу царскую. А буде кто из тех людей вольных и гулящих не покориться, тех бить смертно».

Опешили беглецы от такой вести. Оно как бы и милость царская, но вроде бы и кабала смертная. Опять же землю на поместье жалуют и деньги. Жизнь, с которой уж распрощались, даруют. Зачесали мужики затылки, опустили очи долу. Бердыши сами собой вверх задрались, клинки опустились, фитили потухли. Загутарили, забормотали товарищи промеж себя. Выслали наконец к боярину выборных – тех, что по общему согласию в походе и в ратях начале имели. Склонили головы перед боярином выборные атаманы, снимали шапки: «Будь по-твоему, боярин. Покоряемся воле государевой. Целуем царю Михаилу Федоровичу крест православный в службе ревностной».

Назвали они себя перед дьячком писчим братьями единоутробными – Сергеем да Петрушкой Логиновыми. И записаны были по тому святому дню (Святой Параскевы Великомученицы – Прасковей, Параши): Сергей да Петрушка Логиновы – дети Парахины, сыны боярские.

И целовали люди ратные в тот день святой крест на верную службу царю Михаилу Федоровичу. И срубили они на том месте часовню-однодневку в честь Святой Параскевы Великомученицы. И освятил ту часовню поп Матвей при войске стрелецком пребывавший. А возле той часовни обосновались те дружинники табором на зиму. Вырыли землянки. Топились по черному. Промышляли рыбной да звериной ловлей. Правили службу царскую порубежную. До весны дожили немногие. Иные в сечах с татарами головы сложили. Иные померли от цинготной немочи да от кровохаркания. Иные, целование крестное порушив, утекли в Дикое Поле да на Вольный Дон.

В зиму ту подходили к сему порубежью и иные ватаги. Из тех ватаг люди тоже многие сгинули, а которые остались. Возле часовни Святой Параскевы Великомученицы целовали крест царю Михаилу Федоровичу и приняли имя детей боярских, сынов Парахиных – атаманы Василий Григорьев, Родион Андреев и Мирон Исаев.

Те люди, что остались на месте том, и первые из тех – сыны Парахины – крестного целования царю русскому держались твердо. Порубежье держали крепко. С врагами бились люто. Землю пахали истово.

Были после того в тех краях дела всякие. Были злые набеги татарские. Были походы ратные на ляхов. Были годы неурожайные, голодные. В иные годы лихие вовсе хлеба не сеяли. Был мор на люди. Был раскол церковный. Были кровавые бунты стрелецкие. Но жизнь продолжалась. Годы спустя на месте часовни памятной построили люди церковь все той же Святой Параскевы Великомученицы, а вокруг нее выросло село Парахино.

Со временем порубежье Государства Российского откатилось далеко на юг, ближе к Днепру и Днестру, к Дону и Кубани. Парахины, как и прочие служивые люди прежней засечной линии, отошли от службы ратной, приросли к хлебопашеству на черноземах жирных. Холопами собственными они так и не обзавелись толком. Тех, которые и были некогда, растеряли. Стали они поначалу зваться «детьми боярскими пустопоместными», затем именовались «однодворцами».

Спустя полвека, лета 7181 от сотворения мира (1672 год от Рождества Христова), царь Федор Алексеевич за отсутствием службы обложил однодворцев подворным тяжким налогом.

Спустя же еще полвека, в 1724 году от Рождества Христова, император Петр Алексеевич отнял у однодворцев прежде жалованную землю в казну да закрепостил их самих в государевы крестьяне. После они продавались, раздавались и дарились дворянству российскому монаршей державной милостью да монаршей хмельной прихотью.

Так Парахины из людей служивых и владетельных стали обыкновенными крепостными крестьянами.

Село Парахино и по сей день стоит в десяти верстах к северу от города Ливны, и в нем есть церковь Святой Параскевы Великомученицы. За четыреста последующих лет выходцы из села Парахино, сохранив свою фамилию, широко расселились на берегах реки Сосны и ее притоках – Ливенки, Любавши, Чернавы, в городах Ливны и Елец, в селах Успенье и Преображенье, в деревнях Оберец и Прилепы, в десяти, двадцати и более верстах от родной церкви.

Можно же ныне встретить Парахиных и по всей великой России – от моря Черного до моря Белого и от моря Балтийского до моря Охотского. Есть среди них люди служивые, люди ученые, есть землепашцы, есть мастера ремесленные, есть люди, прославленные на всю Русь, есть люди безвестные. Есть люди честные. А есть и лихоимцы, и душегубцы.

Данила Сергеевич Парахин. Екатерина Андреевна Парахина (в девичестве Шеховцова)

*Мы с железным конем
Все поля обойдем...
Мари трактористов
(сл. В. Лебедев-Кумач, муз. И. Дунаевский)
из к/ф «Богатая невеста», 1937 г.*

Весной 1880 года турецкими походами прославленный генерал Михаил Дмитриевич Скобелев в закаспийских песках штурмом взял последнюю туркменскую крепость Геок-Тепе. Русский солдат, сверкнув штыком, прочно встал на Кушке. Присоединение Средней Азии к Российской империи было завершено.

1 марта 1881 года в Петербурге народовольцами был убит Всероссийский Император Александр II – «Освободитель».

В распахнутой бобровой шубе, с обнаженной головой, раскинув руки, Александр Николаевич лежал на спине. Его красивые, карие, широко раскрытые очи неподвижно смотрели в ярко-синее мартовское небо. Там, где должны быть ноги, – кровавое месиво. Вокруг – грязный, после взрыва бомбы, снег, черно-красные пятна, лужи крови, битое стекло. Протяжно стонала раненая лошадь. Вдалеке раздавались свистки городских. Куда-то галопом проскакал фельдъегерь. Вокруг суетились люди – конвой, прохожие. Накрыли чем-то лицо лежащего неподалеку кучера.

Александр любил жизнь. Морозную зиму. Медвежью охоту. Летнее разнотравье. Он любил свою семью, свой дом, свою Россию. Он был хорошим отцом. Он был не очень хорошим мужем. Он был русским царем.

Так завершилась эпоха Великих реформ. Россия вступала в эпоху внутривосточной реакции, в то же время – внешнего мира и экономического подъема.

Престол перешел к Александру III – «Миротворцу».

В 1889 году на международной конференции в Гааге он впервые озвучил концепцию всеобщего мира и разоружения.

Никому не известный Алеша Пешков босячил по Волжскому раздолью.

Кудрявый Володя Ульянов с ранцем на спине бегал по утрам в гимназию.

Безусый юнкер Антон Деникин под барабанный бой «тянул носок» на строевом плацу военного училища.

Британские джентльмены, придерживая ладонью котелок на голове, азартно осваивали новую игру «футбол». Они же – штыками и прикладами хладнокровно загоняли многодетные семьи африканских буров за колючую проволоку концентрационных лагерей.

В свою очередь, у этих же самых суровых буров мыкал горе в плену молодой гусарский поручик Уинстон Черчилль.

В 1891 году, привычно звякнув кандалами, российская каторга бодро потянула рельсы от Уральских гор вглубь непролазной тайги к далекому Тихому океану, к сказочному городу Владивостоку. Началось строительство великой Транссибирской магистрали.

На подмостках российских варьете задорно и беззаботно гремел канкан.

Антоша Чехонте до слез веселил читателей своими короткими рассказами.

На Нижегородских ярмарках «великий безумец» Врубель потрясал людские души безысходной печалью своих «Демонов».

В 1885 году в Севастополе под звуки вальса состоялось торжественное открытие Приморского бульвара.

Данила Сергеевич Парахин родился в 1885 году, в крестьянской семье, в деревне Парахино возле села Успенье Орловской губернии.

Данила в 1895 году окончил три класса церковно-приходской школы. Весело играл с одноклассниками, купался в речке летом, катался на санках зимой. Когда подросток, со старшими братьями работал на земле в крепком хозяйстве отца. Пахал, сеял, косил.

Воодушевленные братья Люмбер в 1895 году подарили миру чудо «кинематографа» – восемнадцатисекундную фильму «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота».

В 1901 году в Стокгольме королем Швеции Оскаром II впервые в истории была проведена церемония вручения Нобелевской премии. Ее первым лауреатом стал великий ученый-физик Вильгельм Конрад Рентген.

Предприимчивые братья Райт в 1903 году в загородном сарае на последние центы смастерили свою фантастическую крылатую машину.

В 1904 году, после смерти отца, молодой парень Данила, оставив родной отчий дом и доброе хозяйство на попечение старшего брата Петра, пошел батрачить у местных дворян-помещиков да кулаков-мироедов.

В 1905 году Данила Сергеевич женился на красавице Екатерине, что была из семьи крестьян Шеховцовых села Успенье.

Это был год начала первой русской революции. Отгремели винтовочные залпы «кровавого воскресенья». Спустил кумачовый флаг восстания неприкаянный броненосец «Потемкин». Пал в неравной борьбе Иваново-Вознесенский совет рабочих депутатов. Но к октябрю месяцу страну охватила всеобщая политическая стачка.

8 октября 1905 года на железнодорожной станции «Елец», что в двадцати верстах от села Успенье, забастовали телеграфисты, стрелочники, конторские служащие и рабочие. С 11 октября 1905 года железнодорожная забастовка в Орловской губернии стала всеобщей. Движение поездов стало.

Обострилось положение и в сельских местностях губернии. Если в период сельскохозяйственных работ крестьянских выступлений почти не было, то осень 1905 года стала для орловских помещиков временем «великого страха». Крестьяне Ливенского и Елецкого уездов рубили лес, травили посевы, громили поместья. Бросая усадьбы, помещики бежали в города Орел и Елец.

Конечно же, молодой безземельный батрак Парахин Данила Сергеевич не мог оставаться в стороне от этих событий. Буянил, громил усадьбы, грабил и гулял наравне со всеми.

Однако 9 ноября 1905 года Орловский губернатор К. А. Балясный посредством регулярных войск предпринял решительные карательные действия в отношении крестьян. На перекрестках дорог скрипели виселицы. На сельских площадях свистели, рассекая воздух, казацки нагайки, дико кричали наказуемые. Бунт был пресечен.

Был и мятежный крейсер «Очаков». Были и разбитые в упор гвардейской артиллерией баррикады на московской рабочей Пресне. Через митинговую гремящую «Марсельезой» Сибирь, как раскаленным ножом сквозь масло, прошли навстречу друг другу карательные эшелоны железного генерала Александра Николаевича Меллера-Закомельского и беспощадного генерала Павла Карловича Ренненкампа. Из тюремных застенков глухо вырывались наружу четкие ритмы несгибаемой «Варшавянки».

Но понемногу все стихло. Революция сошла на нет.

Осенью следующего 1906 года Данила Сергеевич был призван на службу в армию, что отчасти спасло его и позволило избежать расправы за участие в беспорядках.

Три года он верой и правдой служил Царю и Отечеству. Познавал сложную военную науку. Тянулся в струнку перед «их благородиями». Получал кулаком по морде от фельдфебеля за малейшую провинность. Учился грамоте и Закону Божьему (в русской армии это были обязательные дисциплины). Постигал основы санитарии и гигиены (за грязь и неопрятность

в русской армии строго наказывали). Наливался силой и статью на казенных харчах (кормили в русской армии обильно и сытно).

После службы вернулся в деревню, к семье. Вновь принялся батрачить.

А Россия жила своей неповторимой и нелегкой судьбой.

Могучие броненосные эскадры уходили с Балтики к далекой Цусиме, чтобы навсегда растаять в океанских туманах. Инженер Попов в Севастополе проводил первые испытания радио. Православной церковью был предан анафеме граф Лев Николаевич Толстой. В Таврическом дворце дружным исполнением гимна «Боже, царя храни...» торжественно открылось первое заседание Государственной думы Российской империи.

Летом 1914 года грянул выстрел сербского студента в Сараево. Ни за что, ни про что был убит австрийский эрцгерцог Фердинанд. Началась Первая мировая война.

Осенью 1915 года по мобилизации Данила Сергеевич ушел на фронт рядовым в пехоту.

Воевал на Юго-Западном фронте в 8-й полевой армии, что занимала позиции в Малороссии под городом Ровно.

Командовали той армией в ходе войны такие весьма незаурядные генералы, как Брусилов Алексей Алексеевич, Каледин Алексей Максимович, Корнилов Лавр Георгиевич.

Воевал солдат Данила Сергеевич честно. Ходил в штыковые атаки на германские пулеметы. Вжавшись в земляную стену траншеи, часами неподвижно переживал вражеские артобстрелы. Хлебал кашу из котелка. Писал письма домой. Месил ногами осеннюю окопную грязь. Давил вшей.

А война развернулась не на шутку.

Русская армия то пятилась назад в «великом отступлении», то сотрясала фронты брусиловскими прорывами.

В 1915 году совершил первый боевой вылет первый в мире тяжелый бомбардировщик – русский «Илья Муромец».

В 1916 году в свою первую атаку пошли первые в мире танки – английские Mk-IV.

В 1916 году мир содрогнулся после первых в истории войн газовых атак – германских.

Летом 1916 года армии Юго-Западного фронта пошли в наступление. Полк, в котором служил Данила Сергеевич, прошел вперед более ста верст, взял город Луцк и вышел на подступы к городу Ковелю. Австрийско-германские войска понесли жестокое поражение. Шел вперед среди огня и крови плечом к плечу со своими однополчанами и солдат Данила Парахин. Ботинки с обмотками, гимнастерка с глухим воротом, шинельная скатка через плечо, фуражка с государевой кокардой, трехлинейная винтовка с четырехгранным штыком. Никуда не денешься – «война до победного конца».

В декабре 1916 года в Петрограде заговорщиками-аристократами был убит Гришка Распутин.

В феврале 1917 года рухнуло самодержавие в России.

По стране одна за одной прокатились кровавые волны революционного террора и контрреволюционного мятежа.

Чего стоил для развала армии один только знаменитый и трижды проклятый «Приказ №1» Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, подписанный неким присяжным поверенным Соколовым Николаем Дмитриевичем.

Площади гремели митингами. На станциях пронзительно кричали паровозы. Именем революции «уполномоченные» (и неуполномоченные) сплошь и рядом ставили к стенке «контру» (и не «контру»). От кумачовых знамен, транспарантов, нагрудных бантов рябило в глазах.

«Мир – народам!»

«Земля – крестьянам!»

«Хлеб – голодным!»

«Вся власть Советам!»

«Да здравствует Учредительное Собрание!»

«Анархия – мать порядка!»

«Ура!!!»

Фронты рушились. Армия стихийно разбежалась. Солдаты целыми полками, с оружием оставляли позиции, захватывали железнодорожные эшелоны и отправлялись в тыл. Из распахнутых теплушек несло нестройное и пьяное «Эх, яблочко, куды ты котисся...».

Кроме того, согласно декрету Совнаркома, с ноября 1917 года по март 1918 года проводилась плановая поэтапная полная демобилизация русской армии.

В январе 1918 года вернулся домой и Данила Сергеевич.

За годы войны некогда справное хозяйство, оставшееся без работающих и заботливых мужицких рук, пришло в упадок. Жена с маленьким сыном едва перебивались с хлеба на воду. Землю-то советская власть, конечно, дала, но до нового урожая еще полгода нужно было чем-то кормить семью.

В марте 1918 года на Россию обрушился позор Брестского мира.

На Украину, на Дон, в Крым, в Донбасс, в Эстляндию и Лифляндию хлынули орды германских войск. Немецкие части и украинские сечевые стрельцы захватили русские города Белгород и Рыльск, что уже совсем рядом с родным домом Данилы Сергеевича.

После демобилизации армии у Советской России для защиты своей территории никаких вооруженных формирований под рукой не оказалось. По этой причине 29 марта 1918 года на основании директивы Высшего военного совета Советской республики были созданы Северо-западный участок отрядов завесы и Западный участок отрядов завесы. В состав Западного участка, на самом южном его фланге, входил Курский отряд.

Вот в этот Курский отряд весной 1918 года добровольно ушел рядовым бойцом Парахин Данила Сергеевич. Нужно было и советскую власть защищать, нужно было и землю, что она дала крестьянской бедноте, защищать. Кроме того, красноармейцы получали паек и денежное довольствие, а значит, семья Данилы Сергеевича худо-бедно чем-то кормилась и спасалась от голодной смерти.

Рабоче-крестьянская Красная армия в те дни только еще создавалась. Первые отряды были плохо организованы, недостаточно дисциплинированы, им не хватало оружия, боеприпасов, обмундирования. Тем не менее они выполнили свою задачу по сдерживанию германской военной машины на западных рубежах Советской России.

Крупных сражений в тех местах не происходило. Боевые действия носили полупартизанский характер. Имели место стычки с вражескими дозорами и разъездами, с отдельными отрядами. А более всего приходилось бороться с контрабандистами и мародерами, бандитами и всякого рода «контрой». В этих коротких, но жестоких боях сражался за советскую власть и Данила Сергеевич.

Начало 1918 года отмечено было в Советской республике стремительным нарастанием яростной контрреволюционной смуты. В стране разгоралась Гражданская война, и начиналась иностранная интервенция.

22 февраля из Ростова двинулась в «Ледяной поход» Добровольческая армия под командованием генерала Корнилова Лавра Георгиевича.

6 марта в Мурманске по распоряжению контр-адмирала Томаса Кемпа высадился десант британской морской пехоты.

29 апреля в Киеве, под патронажем оккупационной администрации кайзеровской Германии, был провозглашен гетманом Украины генерал Скоропадский Павел Петрович.

25 мая на Урале и в Поволжье начался мятеж частей чехословацкого корпуса под командованием полковника Войцеховского Сергея Николаевича и капитана Радолы Гайды.

9 июня Самару захватили отряды офицеров-добровольцев под командованием подполковника Каппеля Владимира Оскаровича.

6 июля в Москве, Ярославле и Рыбинске вспыхнуло антибольшевистское восстание левых эсеров под руководством Савинкова Бориса Викторовича и Спиридоновой Марии Александровны.

10 июля в Симбирске командующий Восточным фронтом Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) Муравьев Николай Артемьевич изменил советской власти и открыл фронт белогвардейцам.

Наиболее серьезное положение для Советской республики сложилось в Поволжье. Легионеры-чехословаки объединились с офицерами-каппелевцами и эсерами-савинковцами. Образовалось контрреволюционное правительство – Комитет членов Учредительного собрания (КОМУЧ). Возникла военная угроза центральным районам России и непосредственно Москве.

Со всех концов революционной России на Восточный фронт спешили наспех собранные красные отряды. 15 июня 1918 года отправился на Волгу и 1-й Курский отряд из состава Западного участка завесы (взамен его на западной границе спешно формировался 2-й Курский отряд). В составе отряда отбыл и рядовой красноармеец Данила Сергеевич Парахин – биться насмерть за «мировую революцию».

Борьба с белогвардейцами разгоралась с каждым днем. Были победы, были и поражения. В жестоких боях за город Казань отряд, в котором воевал Данила Сергеевич, вошел в состав армейской группы красного командира Азина Владимира Мартиновича. Впоследствии эта группа была преобразована в 28-ю дивизию, которая вошла в состав 2-й армии под командованием Шорина Василия Ивановича. Военная судьба забросила крестьянина Орловской губернии, русского солдата, бойца-красноармейца Парахина Данилу Сергеевича в глухие заснеженные леса Прикамья.

В середине ноября 1918 года Советское правительство денонсировало Брестский мирный договор. В то же время белогвардейские силы Приуралья и Сибири объединились под диктаторской властью адмирала Колчака Александра Васильевича.

На Восточном фронте шли тяжелые бои за Пермь и Вятку. К началу 1919 года обстановка вроде бы стабилизировалась.

Следует отметить, что если советская власть была с огромным энтузиазмом встречена и поддержана народными массами в центральных и южных губерниях России, то на окраинах бывшей империи все было далеко не так однозначно.

Орловские, ярославские, псковские и воронежские мужики азартно делили промеж себя бывшие помещичьи земли, активно вступали в ряды Красной армии и с именем Ленина на устах яростно шли в штыковые атаки на белую контру.

В Пермской же губернии о помещиках никогда слыхом не слыхивали.

Земли там было хоть отбавляй. Крестьяне селились крепкими хуторами. Народ был сильный, работающий, прижимистый. Семьями жили степенно, Бога чтили, себя не забывали.

Рабочие же ижевских заводов, в отличие от петроградских да иваново-вознесенских пролетариев, жили не в бараках, а в собственных избах, кушали не баланду с заводской кухни, а домашние щи с кашей, по воскресеньям ходили не в кабаки с девками непотребными, а в церковь Божью. В цехах работали целыми семьями – дед, сын и внук. Гордились перед соседями мастерством и умением. Держали при избах огороды да скотину.

Когда в край нагрянули эшелоны с голодными, одетыми в поношенные шинели красноармейцами и с голодными, затынутыми в новенькие кожаные куртки комиссарами, местные жители встретили их поначалу весьма доброжелательно.

Однако, что крестьянам, что рабочим Пермской губернии советская власть ничего нового и хорошего принести не могла. А когда начались массовые экспроприации имущества в пользу «мировой революции» и расстрелы недовольных, народ сурово взялся за оружие.

В тылу Красной армии образовалось большое число белых мелких партизанских отрядов. Повстанцы стреляли из засад, нападали на оставших красноармейцев, собирали разведывательные сведения и доставляли их в штабы колчаковских регулярных частей. Даниле Сергеевичу, как и другим бойцам, приходилось почаще оглядываться, чтобы не получить пулю в спину, а на постое в хуторах нужно было глядеть в оба, чтобы хозяева во сне топором не зарубили.

4 марта 1919 года войска Колчака А. В. перешли в наступление на красных по всему фронту. Сибирская армия генерала Радолы Гайды (еще год назад он был капитаном) нанесла удар на участке 2-й армии Шорина В. И., южное крыло которой упиралось частями 28-й дивизии в обрывистый берег Камы.

Под натиском противника пришлось с тяжелыми боями отступать. Цеплялись за каждое село, за каждый разъезд. Контратаковали из засад. Но все же пятились. Шел в пехотной колонне среди своих товарищей и Данила Сергеевич. Шли бойцы Красной армии при трескучих морозах, по пояс в непролазных снегах, обмороженные и простуженные, с ранеными на плечах, с последним патроном в обойме, с последним сухарем в кармане. Остановить врага удалось лишь в середине апреля на рубеже реки Вятки, что с севера впадает в Каму, всего в полуста верстах от Казани и Волги. Началась весенняя распутица. Реки вздулись, мосты снесло, дороги развезло. Фронт стабилизировался. Наступило затишье. Бои приняли позиционный характер.

В эти тяжелые для Советской республики дни Данила Сергеевич Парахин вступил в ряды Российской коммунистической партии большевиков – РКП (б).

В это же время, в период с 18 по 23 марта, в Москве состоялся VIII съезд партии. На съезде среди прочих жизненно важных вопросов была принята резолюция «О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне». Резолюция указывала на необходимость твердого союза с крестьянином-средняком, а также на необходимость создания бедняцких сельскохозяйственных коммун и их поддержки.

Партия коммунистов тогда была численно невелика. Костяк партии составляли профессиональные революционеры, прошедшие через подполье, царскую каторгу, эмиграцию. А основой партии были рабочие с городских окраин. Выходцев же из крестьянской среды среди большевиков было крайне мало. По всем фронтам Гражданской войны собирала в те дни партия коммунистов-крестьян для работы в селе.

По личной рекомендации командарма Шорина В. И. большевик Парахин Данила Сергеевич, как политически грамотный, сознательный боец, был откомандирован с фронта в распоряжение Орловского губкома² партии. Губком же направил героя в село Преображенье и прилегающие к нему деревни для создания там крестьянских коммун.

Впереди была весенняя посевная, а осенью страну ждала продрозверстка. Молодой Советской республике край как нужен был хлеб.

Буйной весной 1919 года Данила Сергеевич твердо шагал по родной орловской земле с партийным билетом и революционным мандатом в нагрудном кармане и с заряженным боевыми патронами наганом в кобуре. Под его руководством были поочередно организованы: крестьянская коммуна в имении бывшего помещика Карцева (деревня Ниженка), крестьянская коммуна в имении бывшего помещика Александрова (деревня Никульниково), крестьянская коммуна с красивым революционно-романтическим названием «Красная роза» в имении бывшего помещика Мишина (деревня Малая Чернава). В каждой коммуне был выбран актив и председатель. В мало-чернавской коммуне председателем стал сам Данила Сергеевич. Все три коммуны были приписаны к Преображенскому сельсовету.

---

² Губком – губернский комитет.

Позднее, уже в тридцатых годах, коммуны были объединены в один колхоз под названием «Колхоз имени В. И. Ленина» с центром в селе Преображенье.

Что такое коммуна? Все члены коммуны вместе с семьями жили в достаточно большом бывшем помещичьем доме. Кто в отдельной комнате, кто в чулане, кто за перегородкой. «Коммуналка». Питались все из одного общего котла – всем одинаково, всем поровну. Одежда и обувь выдавались со склада (по мере возможности и по необходимости).

Работали все на одном поле, в одном огороде. В усадьбе имелась кузница и мастерские. Баня. Вся живность вплоть до курей – общая.

В коммуны вступали добровольно, в основном деревенская беднота – безлошадные крестьяне, вдовы с детьми, одинокие бобыли и калеки, вернувшиеся с войны. К слову сказать, в условиях Гражданской войны, «военного коммунизма», голода, разрухи, бандитизма, тифа это была реальная возможность выжить.

На коммуны бедняков большевистская продразверстка тоже распространялась, но в значительно меньшем объеме, чем на крестьян-единоличников, а тем более на кулаков. Советская власть, наоборот, помогала коммунарам чем могла: лошадьми, списанными из кавалерии; инвентарем, конфискованным у помещиков; семенным зерном, изъятым у контрабандистов; одеждой и обувью, захваченной на коммерческих складах.

В августе 1919 года Гражданская война, полыхающая по всей России, задела своим крылом и село Преображенье, и деревню Малая Чернава, а также коммунаров «Красной розы».

Нагрянул бело-казачий разъезд из рейдового корпуса генерала Мамонтова. Обошлось без крови. Советские и партийные активисты заблаговременно скрылись. Казаки стали на постой, накормили своих коней, дали им роздых, пополнили себе запасы провизии, пограбили крестьянство (не без того), кое-кого под пьяную руку высекли. Переночевав, наутро станичники ушли своей дорогой. Основная масса конницы белых прошла стороной – из Тамбова через Лебединь, Измалково и Елец на Воронеж.

В пока еще не занятом врагом городе Ельце в те дни спешно создавался Сводный коммунистический отряд для борьбы с контрреволюцией. Со всех окрестностей туда стекались большевики, комсомольцы, советские работники. Туда же, надев видавшую виды шинель, сняв со стены винтовку и сунув в карман наган, ушел Данила Сергеевич.

Опасность для молодой Советской республики была нешуточная. Для борьбы с белоказачьими конными соединениями нужна была регулярная красная кавалерия. А ее не было. Реввоенсовет Советской республики во главе со Львом Давидовичем Троцким бросил клич: «Пролетарий – на коня!» В те грозные дни можно было увидеть верхом на лошади и кронштадтского матроса, и революционного путиловского рабочего.

Данила Сергеевич, с детства хорошо знающий и любящий лошадей, сразу же был зачислен в эскадрон 13-й сводной кавалерийской бригады под командованием товарища Петра Васильевича Курышко. Конечно же, крестьянин-землепашец – это еще далеко не кавалерист, но все же он лучше держится в седле, чем иваново-вознесенский ткач или наборщик из краснопресненской типографии. Задача была – сдерживать продвижение частей генерала Константина Константиновича Мамонтова до подхода красного кавалерийского корпуса Семена Михайловича Буденного.

Земля гудела от движения тысячных масс конницы. Среди ключев сырого тумана всадники съезжались, вновь разъезжались, группировались, перестраивались. Затем конные лавы шагом трогались с места, набирали разбег и уже с гулом неудержимо неслись навстречу друг другу.

Комья сырой грязной земли летели из-под копыт. В глазах сквозь пелену качаются спины скачущих впереди всадников, крупы их лошадей. Грохот артиллерии. Фонтаны вздыбленной земли. Над головой разрывы шрапнели. Кто-то на полном скаку вместе с конем через голову покатился на землю. Еще один и еще... Пальцы занемели, сжимая эфес шашки. Вперед!

Сшиблись. Атакующий храп и предсмертный визг лошадей. Бессмысленный рев людских плотов. Выстрелы в упор. Перекошенные яростью, озверевшие лица. Сабельные удары наотмашь. Пулеметы на тачанках захлебывались горячими очередями и, дымя раскаленными стволами, замолкали рядом с поникшими расчетами, изрубленными насмерть.

В жестоких боях с превосходящими силами противника в полях и оврагах у села Сукмановка на подступах к Тамбову красная 13-я кавалеристская бригада потерпела жестокое поражение, была разгромлена белоказаками и рассеяна. Ее невеликие остатки сумели вырваться из окружения и уйти от погони. Хлебнувшие горечи разгрома бойцы влились в состав других частей и соединений регулярной Красной армии. Кто-то, конечно же, дезертировал. Кто-то переметнулся к белым. Кто-то подался в бандиты. Данила Сергеевич по приказу Орловского губкома партии вернулся в родную коммуноу.

В сентябре 1919 года генерал К. К. Мамонтов, свернув весьма удачный, но оказавшийся без поддержки войск фронта рейд, с остатками своих частей и с огромным обозом награбленного добра ушел на Дон.

Тем не менее в ноябре месяце деникинские войска в ходе наступления захватили города Курск, Орел, Ливны. Линия фронта проходила всего лишь в десяти верстах от села Преображенья с его крестьянскими большевицкими коммунами, по реке Сосна. Однако в само село белые так и не вошли.

Войска красного Южного фронта все же выдержали мощные удары белой Добровольческой армии в направлении Тулы и Москвы.

В том же ноябре месяце, в многодневном встречном кавалерийском сражении под Воронежем и Касторной, красный кавкорпус Семена Михайловича Буденного разгромил, опрокинул и рассеял казачьи конные массы. А части 42-й стрелковой дивизии Красной армии отбросили за город Ливны и далеко за реку Сосна 1-ю сводную пехотную дивизию Добровольческой армии белых.

Войска Южного фронта перешли в решительное контрнаступление и погнали белогвардейцев от Орла на юг к Одессе и к Новороссийску.

В ноябре 1920 года, после взятия Красной армией Крыма, закончилась Гражданская война. Но еще весь 1921 год молодую Советскую республику сотрясали контрреволюционные выступления и классовые битвы. Кронштадтский мятеж. Тамбовское восстание. Махновщина на Украине. До 1922 года на Дальнем Востоке бесчинствовали семеновские банды и японские интервенты. Оружие Даниле Сергеевичу приходилось держать под рукой.

В начале двадцатых годов Данила Сергеевич был избран в состав Измалковского райкома ВКП (б).

В 1929 году в стране началась коллективизация.

В 1930 году все три коммуны, созданные в разгар Гражданской войны, сохраняя свою структуру, были объединены в колхоз имени Ленина. В этот же колхоз вошли и крестьяне-единоличники.

Председателем колхоза единогласно был избран Данила Сергеевич, а коммуной «Красная роза» стал руководить всеми уважаемый односельчанин М. В. Горбатьх.

Вплоть до 1935 год колхозники жили впроголодь. Хлеба не хватало.

Партия создала в стране четкое планирование и организацию заготовок хлеба, установила учет и жесткий контроль за сдачей колхозами зерна в закрома Родины. Районные и областные уполномоченные назначали план сдачи зерна сразу же после посевной, подсчитывая количество зеленых всходов на один квадратный метр.

Райком партии настойчиво требовал от колхоза и его председателя Данилы Сергеевича увеличения посевных площадей для зерновых культур (пшеницы и ржи – хлеба) за счет сокращения посевных площадей для кормов (клевер, вика, овес, турнепс). Председатель как мог

уклонялся. Выговор следовал за выговором, но он не соглашался, отстаивал свою линию (если вернулся домой из райцентра сильно выпивши, значит, опять получил выговор).

Зато в хозяйстве (в отличие от соседних) не было падежа скота, зато весной лошади выходили на пахоту и боронование сытые, способные работать. Отсюда и урожайность зерновых была больше, чем у соседей, и план поставок хлеба государству всегда выполнялся. Потому, наверное, и с председателями не сняли, и из партии не выгнали. Да, к слову сказать, со времен Гражданской войны сохранились у Данилы Сергеевича знакомцы и в НКВД, и в партийных, и в советских органах. Секретарем Краснозоринского райкома партии был двоюродный брат Данилы Сергеевича (как его звали – нам не известно).

А вот отца Григория – настоятеля церкви Преображения Господнего, друга детства, друга семьи, «дядю Гришу» – в 1937 году арестовали и увезли в район. Данила Сергеевич поехал за ним, выручил его, вернул домой. Через несколько дней отца Григория снова забрали. Начальник УГРО Шалунов (боевой товарищ еще с Гражданской войны) предупредил председателя: «Больше не лезь, сам погоришь и его не спасешь. Дело политическое». Больше отца Григория никто не видел, и никто ничего о нем не слышал.

Кроме священника, из всей деревни в те годы был арестован лишь один человек – печник (фамилия его, к сожалению, не сохранилась в памяти). Мужик был работающий, руки – золотые. Но вот ни в коммуну, ни в колхоз, ни в артель, ни в кооператив он вступать не захотел. Единоличник – «враг народа».

Кстати, семьи отца Григория и печника никто не трогал. Жили и работали. У отца Григория было шесть сыновей. Все они стали коммунарами и колхозниками. Все они, когда настало время, ушли на фронт. Все они не вернулись с войны. Один из сыновей, офицер, старший лейтенант, танкист, в 1943 году приезжал с фронта в краткосрочный отпуск к матери. Жена же отца Григория, мать шестерых сыновей, была частой гостьей в доме Парахиных.

За весь период коллективизации в шести колхозах (деревнях) Преображенского сельсовета было раскулачено лишь две семьи.

Одна семья – в селе Успенье (зять и родная племянница Данилы Сергеевича – Мария, дочь его сестры Варвары). Фамилия семьи по мужу, к сожалению, не сохранилась в памяти. Самого мужика арестовали, землю отобрали, полдома отобрали. Семью не тронули. Его двое сыновей – Михаил и Николай, выросли, выучились, впоследствии служили в рядах Краснознаменной Московской милиции. Оба дослужились до высоких званий, Михаил – подполковник милиции, Николай – майор милиции.

Вторая семья – в деревне Зиброво. Фамилия семьи и ее судьба, к сожалению, тоже нам не известна.

Летом 1937 года один из коммунаров села Никульниково украл мешок ржи – пять пудов. Из района приехал следователь. Мужу грозило пять лет лагерей.

Но прежде чем давать делу законный ход, Данила Сергеевич собрал общее собрание. В яблоневом саду поставили стол, накрытый кумачовой скатертью, графин с водой, граненый стакан. Прямо на земле расселись селяне. Возле стола стоял, опустив голову и переминая в руках фуражку, виновник. Все честь по чести.

– Что будем делать, товарищи колхозники? – спросил председатель. – Передадим дело в органы или будем судить общественным судом?

– Сами будем судить! Общественным судом! – загалдело собрание.

Слезы брызнули из глаз провинившегося мужика. Как он благодарил односельчан, клялся искупить вину. Следователь, отобедав с колхозниками, испив чарку самогону, уехал в район. Мужу объявили общественное порицание.

Как-то осенью 1938 года районный уполномоченный с целью перевыполнения плана сдачи зерна государству потребовал от председателя сдать, кроме всего прочего, общественный семенной фонд.

Данила Сергеевич запер амбар, отдал ключи однорукому сторожу и отправил его на дальнее поле, чтоб долго искать. Уполномоченному же было сказано: «Амбар закрыт, ключей нет, открыть не могу. Хочешь, сам ломай замок и сам вывози зерно. Помощников тебе в этом деле здесь нет».

Ломать амбар колхоза – уголовное преступление. Уполномоченный уехал ни с чем.

А соседние колхозы дрогнули, сдали семенной фонд. В районе им обещали привезти зерно – весной, к началу посевной.

Наступила весна. И ведь привезли! Берите! На станции в Измалково вагоны с отборным зерном стоят. Да вот ведь беда. Зима выдалась снежная. Весна выдалась дружная. Ручьи и реки вздулись, мосты поносило, дороги развезло. Каждый овраг – неодолимая преграда. Как зерно со станции развезти по колхозам? А ведь весной каждый день дорог.

Как же пригодился семенной фонд, сохраненный председателем (пришлось, конечно, делиться с нерадивыми соседями).

Каждую ночь зимой и летом Данила Сергеевич вставал в два часа. Он одевался, выходил из дома и шел осматривать колхозное хозяйство. Заходил на конюшню, в коровник, проверял амбары, сеновалы, перекидывался парой слов со сторожем, с конюхом. Часам к четырем он возвращался домой, садился за стол, наливал себе стопку самогонки, кружку кваса, разрезал луковицу, солил горбушку. Не спеша выпивал, закуривал (у него был свой самосад) и что-то писал в толстую тетрадь (многолетние систематические записи с наблюдениями за особенностями погоды, состоянием почвы, урожайностью различных культур и прочее впоследствии бесследно исчезли в государственных архивах). В пять часов председатель ложился спать, а в семь часов уже вставал и шел на работу.

Кроме своих председательских дел, он никогда не считал для себя зазорным работать в поле наравне с рядовыми колхозниками.

В 1934 году в село провели радио. Большой черный рупор был вывешен над крыльцом сельсовета. Когда передавали концерты, песни, музыку – собирались слушать всем селом. В годы войны собирались слушать сводки Совинформбюро.

В этот же год впервые в село на телеге привезли кинопередвижку. Собирались люди со всех окрестных деревень. Фильм показывали на сельской площади после заката солнца на специальном белом экране. Аппарат работал от громко трещащего и дымящего бензинового движка. Титры читали вслух. Оплачивался сеанс из общественной кассы колхоза – 40 рублей. За лето кинопередвижка приезжала три-четыре раза. Много фильмов было немых. Первыми привезенными в село звуковыми фильмами были «Трактористы» и «Мы из Кронштадта».

Электричество же в село провели только в 1950 году.

К 1939 году колхоз стал крупным богатым хозяйством. Пятьсот гектар пахотной земли. Три американских трактора «Фордзон». Приобрели грузовик ГАЗ-АА – «полторку». Закупили племенных производителей (быка и кабана), обновили сельхозинвентарь. Колхозники приоделись, отъелись. Зажили.

Урожай 1939 года хватило сельчанам почти до конца войны. Весной 1945 года уже остро ощущалась нехватка хлеба. В 1946—1948 годах, вплоть до урожая 1949 года, был настоящий лютей голод. Люди умирали.

В 1941 году, 22 июня, началась Великая Отечественная война.

Данилу Сергеевича в армию не взяли по возрасту (56 лет).

В ноябре 1941 года, в связи с приближением фронта, Измалковским райкомом партии был создан партизанский отряд. Дом Данилы Сергеевича был назначен «явочной квартирой», сам же он оставался членом подпольного райкома партии.

Немцы пришли в село Преображенье 20 ноября 1941 года и были выбиты кавалерийскими частями Красной армии 5 декабря 1941 года. За это время (15 дней) ни партизанский отряд, ни подпольный райком не успели провести каких-либо акций в отношении оккупантов.

Деревня и колхоз в целом от немцев почти не пострадали. Конечно, немцы забрали всю скотину (коров, овец, свиней), переловили всю птицу (кур, гусей, уток, индюшек), вывезли всю муку и зерно из амбаров (что нашли, конечно, хотя особо и не искали – «кое-что» осталось). Но ни одного дома не сожгли, мельницу сохранили, сельхозинвентарь не тронули. Ни одного человека не расстреляли, не повесили, не арестовали и не угнали. Боя в деревне тоже не было. Наши ушли без боя, и немцы ушли без боя.

После ухода немцев и восстановления советской власти селяне наловили по лесам и оврагам отбившихся бесхозных лошадей (и наши бросали, и немцы), прикупили в нетронутых фашистами районах кое-какую скотину, отрыли спрятанное в сخورонах зерно и понемногу начали жить.

Военная зима 1941—1942 года выдалась морозная, вьюжная. В окрестных оврагах появились волки. От голода да холода они осмелели. По ночам и даже по вечерам их вой был слышен в деревнях. Собаки скулили и прятались. По утрам на заснеженных во дворах и сельских улицах – свежие волчьи следы.

Однажды вьюжным зимним вечером Данила Сергеевич вышел во двор, в руках были вилы (шел в коровник – сена скотине дать). Через пару шагов завернул за угол дома. Прямо в лицо – оскаленная пасть, распластавшееся в прыжке сильное звериное тело. Волк! Машинально, на уровне подсознания присел, расставил ноги, выставил вилы (все в долю секунды, одним движением). Всей своей лютой злобой, всем своим бешеным порывом зверь напоролся на стальные зубья. Как сноп сена председатель поднял замершего волка над собой и уже бездыханного отбросил в сторону.

Вернулся домой на ослабевших ногах. Не раздеваясь, сел, дрожащими руками свернул самокрутку. Закурил. «Там волк», – только и сказал он.

Потом вдвоем с сыном Александром затащили тушу в сени – шкуру снимать. В том волке было около ста килограммов веса.

Летом 1943 года, в преддверии Курской битвы, командованием Красной армии было принято решение об эвакуации предприятий и населения прифронтовой полосы. Передовая находилась тогда всего в сорока километрах от Преображенья.

Колхозники переделали свои телеги в кибитки (поставили дуги и обтянули их мешковиной), погрузили нехитрый домашний скарб, привязали к телегам коров и длинным обозом двинулись на восток, прочь от войны. Бросили дома, сельхозинвентарь, запасы зерна. Перебили птицу да закоптили в дорогу все, что успели. Всего ведь с собой в кибитке не увезешь. Место для жительства им было определено в одном из колхозов дальней Рязанской области.

Долго и медленно шел обоз. Ломались колеса и оси на телегах. Лошади теряли подковы, хромали. Маленькие дети плакали. Дней через двадцать беженцы прибыли на место. Остановились табором на лесной опушке возле какого-то ручья. Здесь их ждала радостная весть. Советские войска на Курской дуге перешли в контрнаступление. Фронт покатился на запад. Уныние сменилось радостью. Колхозники передохнули, починились и уже знакомой дорогой бодро тронулись обратно домой. Кратковременная эвакуация закончилась.

Военное горе-лихо не минуло сельчан. Из ушедших на фронт более семидесяти здоровых сильных мужчин, вернулись живыми всего лишь семеро – израненные, покалеченные, обожженные, контуженные.

Данила Сергеевич Парахин – крестьянин, солдат, большевик, коммунар, русский мужик – умер в январе 1947 года от физического истощения (от голода). Не уберется – простудился, а выздороветь сил не хватило. Зима выдалась снежная, сельское кладбище замело сугробами. Весна же выдалась дружная, половодьем смыло все кресты, сровняло все холмики. Там он и покоится по сей день. Русский человек в русской земле.

Всего в семье у Данилы Сергеевича родилось четырнадцать душ детей, девять из них умерли в младенчестве, а пятеро выросли и прожили свою непростую жизнь.

Сыновья: Ефим, Николай и Александр.

Дочери: Мария и Зинаида.

Екатерина Андреевна Парахина (в девичестве Шеховцова) – жена Данилы Сергеевича Парахина. К слову сказать, большая часть крестьян села Успенье носила фамилии Парахиных или Шеховцовых.

Родилась Екатерина в 1886 году в селе Успенье Орловской губернии. Школьного образования не получила, малограмотна. Работала на земле, в доме, по хозяйству.

В 1905 году Екатерина Андреевна вышла замуж за Данилу Сергеевича Парахина.

В 1906 году проводила мужа на воинскую трехгодичную царскую службу.

В 1914 году проводила мужа на германский фронт.

В 1918 году проводила мужа в Красную армию.

В 1919 году вместе с мужем вступила в красную крестьянскую коммуну.

Работала. Растила детей. В селе, в коммуне, в колхозе Екатерина Андреевна считалась непревзойденной мастерицей-стряпухой в приготовлении еды (щи, каши, окрошки, квашения, соленья), а главное – в выпечке мягкого душистого хлеба.

Готовить обеды для полевых бригад трактористы-механизаторы просили только ее. Если готовил кто-то другой – мужики, бывало, отказывались от еды.

В селе ее любили за скромный и тихий характер, за отзывчивость, за чистоплотность и опрятность, за трудолюбие и доброту. Огород, скотина, двор, дом – всегда у нее ухожены, всегда в порядке.

С началом войны, когда мужики поуходили на фронт, Екатерина, как и все женщины, работала в колхозе и за себя, и за них.

Осенью 1942 года вместе с женщинами – бойцами банно-прачечного отряда – солила для Красной армии на зиму капусту, огурцы, грибы, солонину. Отряд был укомплектован калмычками по национальности – к соленьям не привычным. Екатерина добродушно помогала девушкам во всем, а чему могла – научила их на будущее.

В зиму 1942—1943 года частенько наезжал с фронта в село старший лейтенант интендантской службы, а с ним пара-тройка бойцов. Был «старшой» маленького роста, но с пышными усами. Звали его промеж себя «Шурупчиком». Нагрянет, бывало, к ночи в пробитой снегом шинели. Вытащит на стол фляжку со спиртом да пару банок американской тушенки, да хлеба казенного буханку. Тишком пристроит пару пачек махорки хозяину дома да пару кусков банного мыла хозяйке. Да шуточки-прибауточки. А нужно-то было всего-навсего служивому – за ночь вне очереди перемолоть на колхозной мельнице привезенное с собой зерно, чтобы к утру отправиться с мукой в сторону фронта. Ну конечно же, все делали для служивого. Как тут не использовать служебное положение мужа, председателя колхоза. А пока мельница на полных оборотах работала – тут и картошечку в мундирах на стол, и капустку квашеную под стопочку спирта казенного, и медку липового в чаю. Да разговоры задушевные велись про жизнь мирную да войну проклятую.

Весной и в начале лета 1943 года, перед Курской битвой, через село непрерывным потоком шли на передовую маршевые роты пополнения. Часто останавливались на дневку. Конечно же, бойцов и кормили, и обшивали, и обстирывали.

В село часто приезжали военные с передовой по различным делам, с различными поручениями (до августа 1943 года Преображенье находилось в сорокакилометровой прифронтовой полосе). Бывали на постое и офицеры, и рядовые, и раненые, и обмороженные. Екатерина Андреевна всегда была радушной и заботливой хозяйкой для гостей-фронтовиков.

Всю жизнь Екатерина Андреевна Парахина проработала на земле. Вырастила трех сыновей и двух дочерей. Русская женщина. Крестьянка. Коммунар.

В 1947 году схоронила мужа. Переехала жить к детям, Николаю и Марии, в Волгоградскую область.

Умерла в 1965 году в селе Варламовка Калачинского района Волгоградской области, на руках у своих родных детей – сына Николая и дочери Марии.

Ефим Данилович Парахин

Первым делом, первым делом – самолеты...
Первым делом – самолеты (сл. А. Фатьянов, муз. В. Соловьев-Седой)
из к/ф «Небесный тихоход», 1946 г.

21 февраля 1913 года в восемь часов утра двадцать один пушечный выстрел из Петропавловской крепости возвестил о начале торжественного и всенародного празднования 300-летия царствования дома Романовых. Празднично зазвонили колокола. День этот, на радость верноподданным, по всей Российской империи был объявлен неприсутственным. Сам же год великого юбилея велено было упоминать как вершину процветания империи.

Тем временем сибирский вурдалак Григорий Распутин, вольготно устроившись в дворцовых покоях, нагло бесчинствовал в царской семье.

26 мая 1913 года молодой российский авиаконструктор Игорь Иванович Сикорский с замирием в сердце поднял в воздух первый в мире четырехмоторный самолет «Русский витязь».

27 августа 1913 года в Киеве над Сырецким полем известный отчаянной храбростью штабс-капитан Нестеров Петр Николаевич на самолете «Ньюпор-4» впервые в мире выполнил «мертвую петлю», чем положил начало высшему пилотажу.

Путем невероятных усилий, беспримерного мужества и тяжелых жертв норвежцем Руалем Амундсеном и британцем Робертом Скоттом был достигнут Южный полюс Земли.

Американский химик Терри Уильямс ради красоты своей любезной сестры Мейбл изобрел тушь для ресниц, знаменитую ныне «Maybelline».

Из тиши библиотек Копенгагенского университета Нильс Бор возвестил миру о новейшей и фантастической модели строения атома.

В Лондоне вышел в свет и был распродан с прилавков за один день увлекательнейший роман Артура Конона Дойля «Затерянный мир».

А в благословенной Румелии, среди кипарисовых аллей и оливковых рощ, возле скалистых берегов Босфора, гремели жаркие бои. Южные славяне в который уж раз сошлись в кровавой схватке с жестокими османами.

Уходили на балканские фронты эшелоны с русскими добровольцами, и сердца оставшихся на перроне юных барышень сжимались до слез под бодрые звуки «Прощания славянки».

Никому не известный юноша Георгий Жуков исправно работал подмастерьем в скорняжной лавке.

Ефим Данилович Парахин родился в 1913 году в деревне Парахино, что возле села Успенье Орловской губернии. Точная дата рождения, число и месяц, к сожалению, сегодня позабылась. Указанная во всех нынешних документах дата (20 января) взята Ефимом Даниловичем в 1943 году, после освобождения из фашистского плена, как день второго рождения из мрака смерти на свет божий.

Босоногое детство Ефима пришлось на годы Революции и Гражданской войны. В 1919 году в усадьбе бывшего помещика Мишина крестьянами-бедняками была создана коммуна «Красная роза», где председательствовал поначалу его отец, Данила Сергеевич Парахин. Вот так мальчишке и довелось с малых лет стать коммунаркомом.

Со временем в хозяйстве появился колесный трактор американского производства «Фордзон». Босоногий малец, как галчонок, размахивая руками, бегал по вспаханному полю за механическим чудом. Он задорно вскакивал на железное крыло и восторженно глядел на движение рычагов, педалей, механизмов, на уверенные действия тракториста.

А в пятнадцать лет парнишка уже сам стал коммунарским трактористом.

Случилось это так. Летом 1928 года доморощенный механизатор, молодой парень, уехал из коммуны на заработки – на угольные шахты Донбасса. Осиротевший трактор одиноко застыл в поле на меже.

Ефим азартно, тайком ото всех решил попробовать завести мотор и поехать. И ведь получилось! Трактор двинулся по борозде. Ефим был мал ростом и разместился под сиденьем, так как иначе он не доставал ногами до педалей. По этой причине он с головой скрывался за высокими крыльями колес, и со стороны не было видно, кто управляет агрегатом. Будто бы тот сам по себе едет. Но председатель коммуны М. В. Горбрых быстро разобрался в ситуации и своей властью насовсем закрепил подростка за трактором. Перекрестился председатель-коммунист и прошептал: «Слава богу, родился тракторист».

Так и повелось. Весной и летом – работа на тракторе в поле, осенью и зимой – учеба в школе.

В 1928 году Ефим вступил в комсомол. В 1931 году закончил школу колхозной молодежи на базе семилетки (ШКМ).

Однажды над вспаханным полем низко протарахтел мотором одинокий самолет. В те годы это было большим событием в деревне, и оно долго на все лады обсуждалось сельчанами. Парень задумчиво смотрел вслед крылатой машине, а когда та скрылась за горизонтом, тяжело вздохнул и вновь сел за руль своего «Фордзона».

Проработав последнее лето на тракторе, осенью 1931 года Ефим уехал в Воронеж, где поступил в Воронежский авиационный техникум на самолетостроительное отделение.

В 1933 году, уже учась на втором курсе, он как-то проходил мимо здания ОСАВИАХИМ³ и увидел большой плакат – «Комсомолец, на самолет!». Там же было и объявление о наборе в Тамбовское летное училище гражданского воздушного флота.

Самолеты строить – дело хорошее, но соблазн летать самому был слишком велик.

В обкоме комсомола с трудом выпросил путевку и, никому ничего не говоря, «зайцем» махнул в Тамбов, где поступил в школу пилотов и авиатехников. В 1935 году успешно ее закончил. Воронежский техникум, разумеется, пришлось бросить.

Это были незабываемые годы становления советской авиации.

В 1933 году Валерий Чкалов поднял в небо поликарповский И-16 – лучший в мире истребитель того времени.

В 1934 году – знаменитая челюскинская эпопея. Летчики-полярники А. В. Ляпидевский, С.А Леваневский, В. С. Молоков, Н. П. Каманин, М. Т. Слепнев, М. В. Водовьянов, И. В. Доронин – первые Герои Советского Союза.

В 1937 году экипаж в составе Валерия Чкалова, Георгия Байдукова и Александра Белякова на туполевском АНТ-25 совершил беспосадочный перелет из Москвы через Северный полюс на Американский континент.

Советское небо гордо бороздил восьмимоторный гигант «Максим Горький»

Из всех репродукторов страны бодро гремел «Марш авиаторов».

В 1934 году Совнарком СССР принял решение о реорганизации органов управления Гражданского воздушного флота (ГВФ). Было образовано 12 территориальных управлений, в том числе и Восточно-Сибирское управление ГВФ с центром в городе Иркутске. Возглавил это управление Голованов А. Е., впоследствии герой Великой Отечественной войны, главный маршал авиации.

Вот туда, на сибирские просторы, и был направлен после окончания Тамбовского училища молодой летчик Ефим Парахин. С 1935 по 1939 год служил в летном составе Иркутского авиационного отряда. Стал летчиком 1-го класса.

---

³ Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (сокращенно ОСОАВИАХИМ) – советская общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927—1948 годы, предшественник ДОСААФ.

В Иркутске, кроме «сухопутного» аэропорта с грунтовой взлетно-посадочной полосой, действовал еще и гидроаэропорт, расположенный на реке Ангаре, в районе устья ее притока Ушаковки. Именно с вод Ангары поднимались гидросамолеты, летавшие на Крайний Север. Из Иркутска летчики прокладывали маршруты воздушного пути с выходом на дальневосточные и полярные морские побережья – к Охотскому морю, к морю Лаптевых.

С 1928 по 1941 год действовала первая в Советском Союзе гидроавиационная служба на линиях Иркутск – Бодайбо и Иркутск – Якутск.

Самолеты с ночевками преодолевали расстояние до Бодайбо за 30 полетных часов, а до Якутска – за 56 полетных часов. Зимой рейсы в один конец длились до девяти суток. Полеты осуществлялись без радиосвязи. Нередко случались поломки самолетов и вынужденные посадки.

С «сухопутного» аэропорта самолеты отправлялись в Читту, Новосибирск, Ургу (Улан-Батор).

В 1939 году Ефим Данилович назначен заместителем начальника Якутского авиаотряда. В 1940 году вступил в ряды членов ВКП (б).

Якутская АССР расположена в «полюсе холода» северного полушария планеты. Зимой 1885 года в Верхоянске зарегистрирована температура минус 67,8 градуса, а зимой 1938 года в Оймяконе зарегистрирована температура минус 77,8 градуса.

В Якутске гидроаэропорт действовал с 1928 года на берегу реки Лены.

С 1935 года вступил в строй Якутский «сухопутный» аэродром с грунтовой взлетно-посадочной полосой. Совершались полеты в Вилюйск, Оймякон, Алдан, Усть-Маю, Нелькан, Чурапчу. Была создана и широко использовалась «исполкомовская авиация» (У-2, П-5, Я-6), предназначенная для связи столицы Якутии с районными центрами и отдаленными приисками.

В зависимости от состояния грунта или снежного покрова (весной и осенью) приходилось на промежуточных аэродромах менять колеса на лыжи, и наоборот. Для этого оборудовали по две взлетно-посадочные полосы – грунтовую и снежную.

Самолеты той эпохи – У-2, ПС-7, Г-1, МП-6, МП-1 (Т), Я-6, П-5 – были малоскоростными, с моторами малой мощности, с открытыми пилотскими кабинами. Летом – колесное шасси (на суше) или поплавки (на воде), зимой – лыжи.

Удивительны были летные «доспехи». На ногах – мохнатые унты. Поверх мехового комбинезона летчик надевал на себя тулуп, лицо закрывал меховой маской (в полете всегда нарастали ледяные сосульки в прорезях для рта и носа). На руках были натянуты до самых локтей трехпалые меховые краги, связанные крепкой тесьмой, перекинутой за шею, чтобы их не сорвало струей воздуха за борт самолета.

Одним словом, легендарная северная авиация.

Одной из главных задач отряда являлась перевозка приискового золота. Золото перевозилось в брезентовых мешках, помещалось в специальные контейнеры под крыльями самолета. Контейнеры тщательно опломбировывались. Доступ пилота к контейнерам во время полета исключался.

О золоте всегда ходило много легенд и баек. Ефим Данилович утверждал, что как-то в Магадане, в обувной мастерской, сапожник подбил ему подошвы сапог золотыми гвоздями (других, мол, не было). Потом, где-то при многочисленных переездах, эти сапоги якобы пропали бесследно.

Запомнилась одна история. В конце тридцатых годов один из летчиков Якутского авиаотряда как-то заразился «золотой лихорадкой». Прилетел из Магадана в Якутск со вскрытым контейнером, без золота (на маршруте приземлился, вскрыл контейнер, закопал золото). Во время следствия утверждал, что попал в метель, «болтанку», снежные разряды, потерял ориентиры, на малой высоте задевал за верхушки сосен – вот контейнер и открылся, а мешок выпал. Невероятно, но факт – поверили! В тридцатые-то годы!

Прошло время. Отгремела Великая Отечественная война. Тот летчик воевал храбро, остался жив, ничем себя не запятнал. В мирные послевоенные дни он взял отпуск и отправился отдыхать на Байкал. Добрался до Якутска. Нашел в тайге приметное ему одному место. Откапал свой клад. Долго ли, коротко ли, нашел сговорчивого зуботехника, продал ему золото. Казалось бы, все позади, живи да радуйся. Но тут посыпались жалобы на вставные зубы со стороны пациентов стоматологических клиник. Выяснилось: золото – да не то. Требуется техническое, а не самородное. И поехал летчик снова в Магадан, уже не добровольно.

Быль это или небыль – кто знает.

Время шло. У Ефима Даниловича увеличивался общий налет часов. Приобретался бесценный опыт полетов в экстремальных условиях.

В мире было тревожно. Полыхали войны в Испании, в Китае, в Абиссинии. Мюнхенский договор открыл дорогу гитлеровской агрессии в Европе.

Под натиском танковых клиньев вермахта, под бомбовыми ударами люфтваффе пали Чехословакия, Польша, Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия, Франция, Югославия, Албания, Греция.

Пришел на советскую землю грозный 1941 год.

Рапорт Ефима Даниловича об отправке на фронт был удовлетворен. Но на боевых машинах летать сразу не пришлось. Судьба распорядилась по-своему. Вчерашних пилотов Гражданского воздушного флота стали готовить к роли фронтовых извозчиков.

23 июня 1941 года, на второй день войны, Совет народных комиссаров принял постановление о подчинении в оперативном управлении Гражданского воздушного флота Народному комиссару обороны Советского Союза и формировании из личного состава ГВФ особых авиационных групп. Непосредственно для обслуживания Народного комиссариата обороны и Народного комиссариата военно-морского флота была сформирована Московская авиационная группа особого назначения – МАГОН ГВФ с базированием на аэродроме «Внуково». В этой группе были собраны лучшие летчики гражданской авиации СССР. Уже 1 июля был подготовлен к вылету 51 самолет ПС-84.

Транспортный самолет ПС-84 был двухмоторным монопланом, вариантом грузопассажирского лицензионного американского самолета DC-3. Экипаж – 6 человек, вместимость – 24 пассажира или 1600 килограммов груза. В первые месяцы войны ни вооружения, ни парашютов для экипажа на этих машинах не предусматривалось. Вооружение начали устанавливать только с сентября 1941 года – один пулемет 12,7 мм в турельной установке, два пулемета 7,62 мм по бокам фюзеляжа, один пулемет 7,62 мм в носовой части. С сентября 1942 года самолет стал называться Ли-2. Под этим именем он и вошел в историю Великой Отечественной войны.

Начались полеты по обслуживанию нужд фронта.

На войне нет легких и безопасных должностей.

Летать приходилось много: и на фронт, и за линию фронта, и в тыловые районы страны – куда прикажут.

В октябре 1941 года танковые клинья гитлеровского генерала Гейнца Гудериана рванули моторами на город Орел с директивой – выйти на Тулу и Москву. Советский генерал Лелюшенко Дмитрий Данилович с крайне малыми силами вступил с фашистами в бой. Наша транспортная авиация днями и ночами без сна и отдыха везла на участок вражеского прорыва войска, вооружение, боеприпасы. Экипажу Ефима Даниловича поступил боевой приказ – высадить группу автоматчиков на аэродроме в городе Орел.

Приняли десант, взлетели, легли на курс. Добрались нормально. При подходе к городу с борта самолета наблюдались пожары, перестрелка на улицах, а совсем близко к западной окраине города уже подходили механизированные войска врага – танки и автомашины. При посадке на аэродром увидели, что внизу тоже идет жаркий бой – стрельба, трассы очередей,

разрывы снарядов. Приказ надо выполнять. Сели прямо в огонь. Десант – с самолета прямо в бой. Пора взлетать. Но из двух двигателей один работает, а другой заглох. На одном двигателе никак не взлететь. Стрельба уже идет на взлетной полосе и по самолету. По какому-то случаю в кабине экипажа находился сотрудник особого отдела НКВД. Чекист достал откуда-то ракетницу, зарядил ее, направил на приборную доску и заявил, что если самолет не взлетит, то он его подожжет, чтобы не сдавать машину врагу. Экипаж, опасливо поглядывая на особиста, погнал самолет на одном моторе сквозь стрельбу и разрывы по взлетной полосе. В самом конце взлетной полосы внезапно заработал второй мотор. Самолет взлетел. Легли на обратный курс. Домой добрались нормально.

В другой раз, там же под Орлом, выполняли задание по доставке на передовую боеприпасов. На борту плотно друг к другу стояли ящики с бутылками, наполненными горючей смесью. Таким оружием наша героическая пехота уничтожала фашистские танки и бронетранспортеры. Но на пути транспортников встретились немецкие «мессеры». Завязался неравный воздушный бой. Вскоре огнем противника в машине Ефима Даниловича воздушный стрелок и турельная установка были выведены из строя.

В самолете возник пожар – загорелись ящики с бутылками. Огонь начал распространяться. В жарком огне и ядовитом дыму члены экипажа сумели пробраться к дверям и их открыть. За борт полетели горящие ящики с бутылками. На людях горит одежда, трудно дышать, пламя обжигает руки, лица, но экипаж не прекращает борьбу с огнем. Вражеские летчики-истребители злорадствуют. Они подошли вплотную к транспортнику, оказавшемуся в одиночестве и в беде. Ефим Данилович и его второй пилот вытворяли чудеса пилотажа маневрируя тяжелой машиной, как говорится – вопреки всем законам аэродинамики.

Стремилась всеми силами уйти от вражеского огня. Последнее, что оставалось, так это со злости стрелять по фашистам, по их наглым физиономиям в открытую форточку из ракетницы и пистолетов, а бортовой механик и радист азартно бросали бутылки по гитлеровцам в открытую дверь. Покинуть самолет экипаж не мог – нет парашютов. Производить вынужденную посадку некуда – внизу нет подходящей площадки. Так в сопровождении конвоя из вражеских истребителей дотянули до места приземления. Наши зенитчики прикрыли огнем горящую машину, отогнали немецкие самолеты, дали возможность произвести посадку. Большая часть груза была доставлена по назначению. Задание было выполнено.

Глубокой осенью 1941 года враг подошел к самым стенам Ленинграда. Ефиму Даниловичу довелось увидеть подвиг его защитников. В осажденном городе царил страшный голод. Ленинградцы остро нуждались в помощи с Большой земли. Ладога еще не покрылась льдом, и «дороги жизни» в те дни не было.

По заданию Ставки Верховного Главнокомандования наши транспортные самолеты повезли в город продовольствие. Недалекое расстояние с аэродромов подскока Кушевы, Хвойная, Тихвин и Новая Ладога позволяло совершать нашим экипажам по несколько полетов в день. Самолеты везли крайне необходимое людям продовольствие – муку, крупу, мясо, масло, колбасу, консервы, сгущенное молоко, сахар, соль и многое другое. Обратным рейсом на борту самолета рассаживали голодных, истощенных детей. Наши транспортники нагружались, что говорится, «под завязку». Все нормы мирного времени были напрочь забыты. Брали в Ленинград по три тысячи килограммов груза при норме полторы тысячи. Усаживали в рейс на Большую землю пятьдесят детишек вместо двадцати одного.

Частота и массовость полетов транспортных самолетов в город Ленинград не остались незамеченными противником. Фашисты бросили на Ладогу свои истребители. Однако закрыть нам путь фашистам не удавалось. Огонь наших воздушных стрелков часто валил фашистских молодчиков на дно озера. Нашим экипажам тоже доставалось.

На всю жизнь запомнился Ефиму Даниловичу осенний полет 1941 года. Взлет с Ленинградского аэродрома. Взят курс на Большую землю. На борту самолета дети. Поначалу все

шло хорошо. Но все же над гладью Ладожского озера из облаков свалились «мессеры». Мимо носа самолета прошла огненная трасса. Капот мотора лизнули языки пламени, и потянулся шлейф черного дыма. Руки Ефима Даниловича из последних сил сжимают штурвал. Машина горит. Внизу – холодная купель зимней Ладоги. Фашисты не уходили, били сверху очередями по горящей машине. Добивали.

С борта подбитой машины в штаб Ладожской флотилии пошел радиосигнал бедствия: «На борту дети. Самолет горит. Садимся на воду. Окажите помощь». Самолет покачивается на волнах, держась крыльями на поверхности. Фюзеляж постепенно наполняется ледяной водой. Яростно ошестинившись зенитным огнем, вздымая форштевнем пенную волну, к тонущему самолету полным ходом спешил какой-то буксир. Экипаж самолета и моряки работали быстро, четко, без паники. Сорок шесть детей и семь членов экипажа были спасены. Все эвакуированы на берег, на Большую землю.

Потом у Ефима Даниловича случилось воспаление легких. Город Ярославль, госпиталь в здании старейшего в России драматического театра. После излечения – снова в строй.

В феврале-марте 1942 года приходилось доставлять боеприпасы для бойцов и фураж для боевых коней гвардейского кавкопуса генерала Белова Павла Алексеевича, который попал в окружение под Вязьмой. Летали по ночам. Садись на костры заснеженных лесных аэродромов. Обрато увозили раненых, обмороженных, больных.

В апреле 1942 года командование наконец-то удовлетворило рапорт Ефима Даниловича о переводе в боевую часть.

Десять пилотов из Московской авиагруппы, в том числе и Ефим Данилович Парахин, пополнили состав 752-го бомбардировочного полка дальней авиации.

Авиация дальнего действия как вид сил центрального подчинения была создана 5 марта 1942 года. Целью Авиации дальнего действия являлось выполнение задач стратегического значения: нанесение бомбовых ударов по административно-политическим и военным объектам глубокого противника; нарушение транспортного сообщения противника, уничтожение складов в ближайшем тылу, бомбардировки противника на линии фронта для обеспечения стратегических операций.

Большой вклад в создание Авиации дальнего действия внес генерал Голованов Александр Евгеньевич, к слову сказать, хорошо лично знавший Ефима Даниловича по совместной довоенной службе в Иркутске и Якутске. В 1935—1937 годах он был начальником Восточно-Сибирского управления Гражданского воздушного флота.

В течение всей Великой Отечественной войны Авиация дальнего действия являлась резервом Ставки Верховного Главнокомандования. Основу боевого самолетного парка составляли бомбардировщики ДБ-3Ф (Ил-4).

Бомбардировщик ДБ-3Ф с марта 1942 года стал называться Ил-4. Это был двухмоторный цельнометаллический моноплан с дальностью полета до 4 тысяч километров и с бомбовой нагрузкой до 2,5 тысяч килограммов. Экипаж состоял из четырех человек. Самолет имел пулеметное вооружение для защиты от истребителей врага.

Быстро прошло для Ефима Даниловича время обучения на новом типе самолета, переподготовки и ввода в боевой строй. Собран экипаж. А закреплен за экипажем был новенький, прямо с завода, бомбардировщик Ил-4 с надписью на борту «Хабаровский комсомолец». На этом самолете и предстояло Ефиму Даниловичу с экипажем лететь на первое боевое задание.

Как командир экипажа, Ефим Данилович заглянул в формуляр самолета для знакомства с его летными данными.

На одной из первых страниц было написано:

«Командиру экипажа. Нас не берут на фронт. Говорят – мы молоды, хотя нам уже по 16—17 лет. Мы, комсомольцы Хабаровщины, трудом своим будем ковать победу. Отправляем на фронт боевой бомбардировщик, в который вложили свой труд, свои молодые сердца. Несите на этих крыльях смерть бесноватому фюреру, колченогому Геббельсу, всем фашистам. Смерть немецким оккупантам!»

(Парахин Е. Д. Обыкновенный герой. Записки советского летчика. Ridero, 2016.)

Сердце защемило.

И вот – первый боевой вылет.

По данным нашей разведки, на вражеском аэродроме в районе Брянска обнаружено большое скопление транспортных самолетов противника. Получен боевой приказ – уничтожить самолеты, служебные помещения, склады горючего и боеприпасов, вывести из строя летное поле. Из десяти пилотов, пополнивших накануне полк, в этом боевом вылете – восемь держали экзамен. Держал экзамен и Ефим Данилович. Метеоусловия не позволяли вылететь ночью, взлетели лишь на рассвете. На дальних подступах к цели наши бомбардировщики были перехвачены истребителями противника. Прикрытия с нашей стороны не было. Завязался неравный воздушный бой.

«Хабаровский комсомолец» был основательно изранен – пробит фюзеляж, заклинило систему управления, вышло из строя внутреннее переговорное устройство. Казалось бы, есть все законные основания прекратить полет. Но боевую задачу надо было выполнять. Кроме того, не хотелось обмишуриться в первом же боевом вылете. Да и наказ хабаровцев был не пустым звуком. Самолюбие взяло верх.

Ефим Данилович повел машину вперед, на объект. Немцы пытались поднять свои самолеты с аэродрома в воздух, чтобы убрать их из-под удара. Сверху хорошо было видно блестящие диски вращающихся винтов, беспорядочное движение на рулежках. С первого же захода сбросили бомбы. Внизу – взрывы, густой дым, застилающий аэродром, пожары. Боевое задание успешно выполнено. Но в воздухе рвались зенитные снаряды врага, один из них угодил в самолет. Дела совсем стали плохи. Связи с полком не стало. Нарушено управление рулями. Поведение самолета стало непредсказуемым для пилота.

При отходе от цели на покалеченный самолет снова напали немецкие истребители. Но наши воздушные стрелки дали достойный отпор наглецам. Один из фашистов отвесно пошел к земле, второй показал хвост дыма. Но бой не был окончен, враг не отставал. На израненном самолете невозможно было свободно маневрировать. Пришлось опуститься до самой земли и на фоне ее отрываться от преследователей. При посадке на родном аэродроме самолет развалился – отвалилась его носовая часть и хвост. Экипажу пришлось выбираться из-под обломков. На автомашине подкатил командир полка. Выслушал доклад, посмотрел на останки боевой машины, сказал экипажу: «Не огорчайтесь. Бывает и хуже».

С августа 1942 года – Сталинград. Делали до пяти боевых вылетов в прифронтовую полосу противника за ночь. Боеприпасов и горючего имелось в достатке. Не хватало экипажей. Позывной Ефима был – «Ольга-45». За каждый вылет каждому члену экипажа выдавали по сто граммов водки и по шоколадке (завтрак, обед и ужин, само собой, по распорядку дня в летной столовой).

При возвращении после выполнения очередного боевого задания, еще в воздухе, в эфире часто звучал девичий голос: «„Ольга-45“, еще по 100 граммов готовы заработать? К дозаправке машины все готово». Ни разу не было случая, чтобы кто-нибудь пробовал отказаться.

Пьяными себя не чувствовали. Страшно становилось только после последнего приземления, утром на рассвете. Тогда же наступало и опьянение. Валились спать, не снимая сапог.

А в фюзеляже и в плоскостях – десятки пробоин различной величины и формы. Приходилось даже сажать машину лишь на одно единственное уцелевшее шасси.

19 ноября 1942 года началось контрнаступление Красной армии под Сталинградом.

23 ноября 1942 года в районе Калача замкнулось кольцо окружения вокруг 6-й армии гитлеровского генерала Фридриха Паулюса.

В ночь на 28 ноября 1942 года был получен приказ – бомбовыми ударами уничтожить живую силу и военную технику окруженного врага в районе села Россошки и аэродрома Воропоново. Это был 90-й боевой вылет экипажа Ефима Даниловича. В штурманской кабине – лейтенант Яков Соломонов. У рации – сержант Габачиев Агубекир Масаевич, он же воздушный стрелок турельной установки. От люковой пулеметной установки нижней полусферы и, соответственно, стрелка к тому времени решили отказаться. Эффективность этой огневой точки была крайне невелика, а вот экономия в весе боевой машины оказалась весьма значительной, да и стрелков не хватало, каждый боец был на счету.

Ночь, метель, снегопад. Шли несколькими полками, эшелонированно по интервалам и высоте. Прошли линию фронта, ее ночью отчетливо видно на земле по вспышкам выстрелов, по очередям трассирующих пуль, по осветительным ракетам. Зенитный огонь врага уже выстроил завесу разрывов, но был еще несколько впереди. По небу шарили лучи прожекторов, как будто бы длинными оглоблями махали по нашим самолетам. Осветители развесили над целью свои «люстры». Немецких истребителей по ночному времени в небе не было. «На боевом курсе!» – доложил штурман. Запах сработанных пиропатронов дал знать – бомбы сброшены.

Внезапно – удар по правому крылу. Такое ощущение, будто сверху кто-то из своих сбросил бомбу. Вспышка, взрыв. Самолет объят пламенем, перебито управление. Дюралевая обшивка крыла горит, как порох. Ефим Данилович дал команду: «Экипаж, покинуть машину!» Штурман открыл нижний люк, выпрыгнул. Струей воздуха потянуло в кабину огонь и дым. У Ефима Даниловича загорелись унты на ногах, пламя обожгло лицо и руки на штурвале. От дыма перехватило дыхание.

Откинул фонарь кабины, вывалился из горящего и уже неуправляемого самолета. Когда парашют раскрылся, Ефим Данилович почувствовал левой ногой холод. Мелькнула мысль, что оторвало ногу.

В это время в небе вспыхнули светящиеся бомбы (САБ). Их сбросили наши самолеты-осветители. Стало светло как днем. Ефим Данилович осмотрел себя. Ноги вроде бы целы, но на левой ноге нет унта. Над головой висят «люстры», слышен гул самолетов, разрывы бомб и зенитных снарядов, мимо проносятся со свистом сброшенные бомбы.

Земля встретила летчика сильным ударом. Ефим Данилович сбросил парашют, выпутался из строп и дал стрекача от места приземления. Враг близко, да и свои бомбы летят на голову. На пути попала воронка, нырнул в нее. Земля в воронке была еще горячая и таял снег. Левую ногу кое-как обмотал шарфом. Осмотрелся. Небо закрыто сплошной облачностью, звезд не видно. Никак не сориентироваться. Запоздалый самолет, сбросив бомбы, уходил домой. За удаляющимся гулом нашего самолета двинулся и Ефим Данилович. Свет ракет, трассирующие пули, зарево от пожаров указывали направление к линии фронта, но до нее было еще далеко. Восемь дней и ночей блуждал сбитый летчик в огненном кольце немецкого «котла». Почернели обмороженные руки, ноги, лицо. Холод, голод, жажда. Уже нет сил переставлять ноги по глубокому снегу. Линия фронта близка, но силы иссякли. Слышен могучий гул канонады, с нашей стороны разом заговорили «катюши». Через голову летели трассирующие пули, шумели снаряды. Поспешил солдат навстречу спасительному огню, но запутался ногами в глубоком снегу и упал. Подняться не смог, потерял сознание. Тут и подобрал бойца гитлеровцы.

В себя пришел Ефим Данилович в холодном сарае. Лежал и пытался вспомнить, что с ним случилось. Чужая речь за дверью. Словно кипятком ошпарило – плен! Потом оплетенный колючей проволокой лагерь, где не давали ни есть, ни пить, ни спать. Травили собаками, били палками, расстреливали.

Что представлял из себя немецкий лагерь для военнопленных? В заснеженной, пробитой метелями приволжской степи бывшая конюшня, служащая баракон, земляной утоптаный пол и деревянные нары в несколько ярусов. Да еще неподалеку от барака несколько бывших картофельных буртов, служащих землянками. Два или три ряда колючей проволоки. По углам – вышки с пулеметами и прожекторами. По периметру – ров.

Иногда немцы привозили в лагерь телегу с «едой» – картофельные очистки, свекольная ботва, солома, лошадиные копыта. Вместо воды – снег. заключенными был буквально вылизан весь лагерь до промерзшей земли, до последней снежинки.

Сколько в лагере было военнопленных, не знали, пожалуй, и сами немцы. Одни умирали, и их сбрасывали в ров. Других привозили на их место. Погибли в этом концлагере тысячи советских людей.

В лагере Ефим Данилович встретил своего воздушного стрелка-радиста Габачиева. Оба они были измождены и близки к голодной смерти. Штурмана Соломонова не было, его, как еврея, немцы расстреляли на месте. Тут среди других оказалось шестнадцать человек летного состава.

Эти люди в невероятных условиях лишений, острого голода, холода, раненые, обгорелые, обмороженные, вели себя стойко. Они создали подпольную группу и готовили побег. В числе организаторов этого подполья был и сержант Габачиев. Ефима Даниловича в группу не взяли, так как он из-за ожогов, обморожений и истощения не мог ходить.

Добровольно оставил группу и сержант Габачиев, указывая на Ефима Даниловича, он заявил: «Я без своего командира не пойду». Ефим Данилович – обгоревший и обмороженный – был обречен. Его как мог спасал стрелок-радист Габачиев – приносил ему еду, пригоршню снега, однажды даже принес лошадиную кость, кое-как делал перевязки. Когда немцы выбросили почти не подававшего признаков жизни Ефима Даниловича в ров, Габачиев ночью вытащил его оттуда и приволок обратно в барак.

Продумывались разные варианты побега, но осуществить их не было сил. Стиснутые кольцом окружения, немцы зверели. Даже тех, кто осмеливался взять горсть свежего снега, протянув руку за колючую проволоку, сражала пуля фашиста. Немногим из узников удалось выжить. заключенные знали, что при отступлении немцы уничтожат лагерь. Шестнадцать человек летного состава держались вместе, помогали друг другу чем могли. Прошла весть, что администрация фашистского лагеря намеревается вывезти пленных летчиков в свой тыл, а возможно, и в Германию.

Летчики решили уходить, уползти из лагеря, поскольку бежать уже не могли. Знали, что наши войска уже близко, авось хоть кому-то удастся доползти. Каким-то образом подпольщикам удалось договориться кое с кем из немцев. Беглецам было обещано оружие и даже грузовик. Но немцы обеспечивали только внутреннюю охрану. Внешний периметр лагеря охраняло подразделение, укомплектованное украинскими националистами. Попытка подпольщиков установить контакт с украинцами привела к провалу.

Фашисты узнали о готовящемся побеге. Вскоре пленных выстроили в поле за лагерь. Шесть человек, в том числе Габачиева, вывели из строя и зачитали приказ о расстреле за попытку побега. Главного группы тут же расстреляли перед строем, а остальных увели в карцер, в какую-то яму. Так в ожидании расстрела в темном карцере, похожем на яму, без воздуха и пищи эти люди пролежали тридцать один день. Под конец они не могли подняться, совсем ослепли без света. Наверное, немцы в суматохе «котла» забыли о них или посчитали, что они и так умрут. Но вопреки всему наши бойцы не умерли. Новый, 1943 год пришлось встречать

в ожидании смерти. Тридцать один день заключенные жили в постоянном ожидании страшного, не зная, как и когда это произойдет. Могли вывести на улицу или расстрелять прямо в яме.

И вот настал день, когда фашисты сами оказались в плену. 20 января 1943 года в лагерь ворвались наши войска. Заключенных вынесли на носилках, все были крайне истощены. Ефим Данилович (тридцатилетний мужик, военный летчик) весил всего 34 килограмма. Его вынесли из барака на руках в бессознательном состоянии.

А старики-родители Ефима Даниловича тем временем получили с фронта письмо. Это было официальное извещение из 752-го авиаполка о гибели сына. Как тогда говорили в народе – «похоронка».

«Ваш сын Парахин Ефим Данилович, уроженец Орловской области, Краснозоринского района, села Успенье, в бою за социалистическую Родину, верный военной присяге, проявив героизм и мужество, погиб при выполнении боевого задания 28 ноября 1942 года. Место захоронения не установлено. Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (Приказ НКО №220). Командир 752 авиаполка подполковник Бровко».

(Парахин Е. Д. Обыкновенный герой. Записки советского летчика. Ridero, 2016.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.